

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Кафедра «Русский язык, литература и лингвокриминалистика»

45.04.01 Филология

(код и наименование направления подготовки, специальности)

Лингвокриминалистика

(направленность (профиль))

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему «Средства выражения речевой экспрессии в отечественной детской
литературе»

Студент(ка)

А.С.Науменко

Научный
руководитель

к.пед.наук, доцент М.Г. Лелявская

Допустить к защите

И.о. заведующего кафедрой канд.пед.наук, доцент
М.Г. Соколова

«_____» _____ 2017 г.

Тольятти 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ. ВИДЫ КОНФЛИКТОВ.....	6
1.1. Конфликт. История изучения конфликтов.....	6
1.2. Речевой конфликт и речевая агрессия.....	9
1.3. Средства выражения речевой агрессии.....	23
ГЛАВА 2 СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	29
2.1. Адресат негативной экспрессивной лексики.....	29
2.2. Стилистические средства.....	40
2.3. Лексические средства.....	72
2.4. Агрессивная лексика без намерения оскорбить.....	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	78
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	83

ВВЕДЕНИЕ

Проблема конфликта и речевой агрессии, как проявления речевого конфликта изучалась достаточно давно. Слово «агрессия» (от лат. aggression ‘нападение’) приобретает активность в русском языке с середины 30-х гг. XX столетия. Об этом свидетельствуют материалы Толкового словаря русского языка в 4-х томах под ред. Дмитрия Николаевича Ушакова. Два слова ряда: «агрессия» и «агрессор» – маркируются в словаре пометами «политическое». Таким образом, четко определяется денотативное пространство функционирования названных слов – публицистический, прежде всего политический дискурс.

Речевая агрессия изучается в работе Александра Александровича Гогина и Олеси Евгеньевны Репетевой «Вербальные правонарушения: Понятие, сущность, виды», в работе «Вербальная агрессия в школьной речевой среде», где рассматриваются причины и последствия речевой агрессии, как проявления речевого конфликта. Однако в основном исследователи рассматривают речевую агрессию в юридическом аспекте, в политической и публицистической сфере – газеты, телевидение и т.д. Язык СМИ изучала Татьяна Георгиевна Ашурукова в статье «Формы проявления речевой агрессии в газетном тексте», Виталий Григорьевич Костомаров и другие.

В художественной литературе присутствует речевая экспрессия, однако в контексте художественного произведения она воспринимается как агрессия.

Объект данного исследования: средства выражения речевого конфликта в отечественной детской литературе.

Предмет исследования: речь персонажей детских произведений.

Методы исследования:

1. сравнительно-исторический
2. метод сплошной выборки примеров из произведения

3. метод анализа и обобщения полученных фактов,
Основные положения, выносимые на защиту:
1. средства выражения речевой агрессии в отечественной детской литературе менялась с течением времени.
2. речевой конфликт и речевая агрессия в детской литературе связана с воспитательным значением детской литературы.

Материалы исследования: произведения Л.Чарской, Л.Толстого, А. Бруштейн, А.Гайдара, Л.Матвеевой, А.Егорушкиной, Н.Огнева и т.д.

Научная новизна заключается в том, что феномен речевой агрессии в детской литературе до настоящего времени практически не рассматривался.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы проанализировать средства выражения речевой агрессии и их значение для реализации воспитательной цели детской литературы.

Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью средств выражения конфликта (экспрессия, агрессия) в художественном произведении.

Задачи исследования, вытекающие из данной цели, заключаются в следующем:

1. проанализировать речь персонажей и авторские характеристики в детских произведениях разных эпох.
2. сравнить, как менялись средства выражения речевого конфликта в процессе исторического развития.

Практическая значимость данной работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы на занятиях по детской литературе, детской педагогике и психологии.

Апробация работы: результаты работы были отражены в выступлениях на конференциях различного уровня: Татищевские чтения, дни науки ТГУ, статьях «Речевой конфликт и речевая агрессия в отечественной детской литературе», опубликованной в журнале «Наукополис» в 2016 году. Также

по материалам этой работы было проведено практическое занятие по предмету «анализ текста» для студентов 3 курса филологического факультета ТГУ.

Структура работы определена логикой исследования, целью и задачами. Она состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

В первой главе (теоретической) «Предмет лингвоконфликтологии. Виды конфликтов» даются определения понятий «речевой конфликт», и «речевая агрессия», а также рассматриваются способы ее выражения в языке.

Во второй главе (практической) «Средства выражения речевого конфликта в детской литературе» рассматриваются речевые конфликты и средства выражений речевой агрессии в различных детских произведениях, анализируется специфика ее выражения в разные исторические периоды.

Заключение содержит общие выводы по данной работе.

ГЛАВА 1. ПРЕДМЕТ ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИИ. ВИДЫ КОНФЛИКТОВ

1.1. Конфликт. История изучения конфликтов

Конфли́кт (от латинского *conflictus* – *столкнувшийся*) – наиболее острый способ разрешения противоречий в интересах, целях, взглядах, возникающих в процессе социального взаимодействия, заключающийся в противодействии участников этого взаимодействия. Обычно сопровождается негативными эмоциями. Конфликты являются предметом изучения науки конфликтологии.

Конфликтология как отдельная дисциплина является наукой относительно молодой, но попытки осмыслить понятие «конфликт» и выделить причины конфликтов в человеческом обществе делались с древности. Древнекитайский философ Конфуций утверждал, что они порождаются неравенством и несхожестью людей, их пороками, в частности упрямством, лестью, лживостью, корыстолюбием, краснбайством, себялюбием и т.д. А для предупреждения и недопущения конфликтов необходимо улучшение нравов, устранение пороков, воспитание нравственности, доброты, справедливости, благочестия. Древнегреческие философы – Гераклит, Эпикур, Платон и Аристотель (V–IV вв. до н.э.) также делали попытки рационально осмыслить конфликт. Гераклит, например, считал, что в мире все рождается через вражду и распри, и конфликты являются важнейшим и неперенным условием общественной жизни. Эпикур, разделяя эту точку зрения, вместе с тем, считал, что рано или поздно люди придут к осознанию необходимости жить в мире и согласии. Платон и Аристотель полагали, что человек является частью более широкого целого – общества, поэтому заложенное в нем общественное начало предполагает взаимопонимание и сотрудничество. Но при этом не исключалась склонность к вражде, ненависти и насилию. Источником их возникновения, по мнению Аристотеля, являлось неравенство людей, их пороки и несходство характеров

Взгляд на конфликт как на естественное, присущее всякому живому организму явление разделяли во второй половине 19 века представители «социально-биологической теории». А. А. Полканова в статье «Понятие «Конфликт» в лингвистике: основные подходы к его изучению» указывает, что конфликт изначально считался «ключевым понятием социологии, которая рассматривала этот феномен как неизбежное явление в истории человеческого общества, социальную форму борьбы за существование, как важнейший механизм общественного развития». [Полканова, электронный ресурс] Со второй половины XIX в. зарождается так называемая социобиологическая теория, которая исходит из постулата о том, что борьба за выживание, приводящая к конфликту интересов, присуща любому живому организму. Приверженцы этой концепции опираются на теорию естественного отбора и борьбы за существование Чарльза Дарвина, поддерживая, таким образом, идею об агрессивности человека. Утверждается, что стремление людей к самосохранению и накоплению жизненных ресурсов приводит в конечном итоге к разного рода конфликтам». Эти идеи получили дальнейшее развитие в социолингвистическом направлении изучения конфликта». В психологии предлагается иная трактовка конфликта: как состояние, возникающего в случае, когда в ответ на стимул у человека возникают две противоположные реакции. В отечественной психологии данный аспект изучается, например, такими исследователями как Н. В. Гришина, Ф. Е. Василюк, А. С. Кармина, которые выделяют несколько концепций, описывающих механизм внутриличностного конфликта по определению предмета столкновения или по критерию связи с внешней средой: 1) психодинамические (интрапсихические) концепции опираются на биопсихическую основу индивида и представлены в теориях З. Фрейда, К. Г. Юнга, А. Адлера, Э. Фромма, К. Хорни; 2) ситуационные подходы рассматривают конфликты как реакцию на внешнее стечение обстоятельств в работах бихевиористов Д. Скиннера,

необихевиористов Н. Миллера, Дж. Доллара;

3) когнитивистские концепции основываются на понимании конфликта как познавательного феномена в работах К. Роджерса, А. Маслоу, К. Левина, В. Франкла, Л. Фестингера. Концепции конфликта, разработанные психологами, легли в основу так называемого психолингвистического подхода.

Значительную роль в изучении конфликтов в рамках психологии сыграло учение Зигмунда Фрейда. Главная проблема, которую пытался разрешить Фрейд – конфликт между человеком и обществом. Он имеет драматический характер: он заложен в самой природе человека и общества, и поэтому во взглядах ученого преобладают пессимистические оценки будущего человечества. Главная черта фрейдовского понимания конфликтов – их перенос из общественных структур в структуру личности, из мира социального в мир личностный. Хотя далеко не все психологи, изучавшие и изучающие конфликтную деятельность человека, следуют идеям З. Фрейда.

Таким образом, конфликт – это проявление объективных и субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон. Иными словами, это процесс, в котором два (или более) индивида или группы активно ищут возможность помешать друг другу достичь определенной цели, предотвратить удовлетворение интересов соперника или изменить его взгляды и социальные позиции. Термин конфликт может быть распространен на многие явления, вплоть до борьбы с неодушевленными предметами (в борьбе за существование, например). Но в социальном конфликте все стороны представлены людьми, группами людей, и под ним обычно понимается тот вид противостояния, при котором стороны стремятся захватить территорию, либо ресурсы, угрожают оппозиционным индивидам или группам, их собственности или культуре таким образом, что борьба принимает форму атаки или обороны. Социальный конфликт включает в себя активность индивида или групп, неумышленно блокирующих функционирование и наносящих ущерб другим людям (группам).

А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов определяют четыре группы факторов и причин возникновения и развития конфликтов: объективные, организационно-управленческие, социально-психологические и личностные. Первые две группы факторов носят объективный характер, третья и четвертые субъективный. Для нашего исследования важно рассмотрение трех групп факторов и причин: объективных, социально-психологических и личностных [А. Анцупов, А. Шипилов, электронный ресурс].

К числу объективных причин конфликтов можно отнести главным образом те обстоятельства социального взаимодействия людей, которые привели к столкновению их интересов, мнений, установок и т. п. Объективные причины приводят к созданию предконфликтной обстановки – объективного компонента предконфликтной ситуации.

1.2 Речевой конфликт и речевая агрессия

Речевой конфликт – это состояние противоборства двух сторон (участников конфликта), в результате которого каждая из сторон сознательно и активно действует в ущерб противоположной стороне, эксплицируя свои действия вербальными и прагматическими средствами.

Обязательным участником конфликта является языковая личность. Как член данного социума она интуитивно чувствует дальнейшее развитие коммуникации. В сознании языковой личности есть определенные сценарии поведения в той или иной ситуации (своеобразные узусы социального взаимодействия), при нарушении рамок которых можно спровоцировать конфликт.

По справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [Ю. Караулов, электронный ресурс]. Анализ совокупности текстов, принадлежащих одному человеку, позволяет выявить специфические черты языковой личности: ее отношение к языковой норме, грамматические, лексические, стилистические предпочтения; отсюда следует, что за каждой языковой личностью стоит множество производимых ею текстов (дискурсов).

Средством выражения речевого конфликта является речевая агрессия.

Речевая агрессия – использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство. В наибольшей степени речевая агрессия находит воплощение в разговорных и публицистических сферах коммуникации.

В работе А.А.Гогина и О.Е. Репетевой «Вербальные правонарушения: Понятие, сущность, виды» выделяется два вида речевой агрессии:

1. выражение отрицательных чувств и эмоций одного субъекта по отношению к другому, в том числе и в виде оскорбления. К чувствам и эмоциям, способным вызвать речевую агрессию, относят злость, раздражение, обиду, недовольство, отвращение, презрение. Вместе с тем подобная агрессия проявляется как ответная реакция на внешний раздражитель (поведение оппонента, его слова, жесты и т.д.)
2. особое, чаще всего продуманное и целеноправленное намерение говорящего или пишущего причинить урон конкретному адресату (унизить его достоинство, оскорбить близких людей, высмеять манеры поведения).

К основным формам и видам реализации вербальной (речевой) агрессии относят:

1. оскорбление, враждебное замечание, угроза
2. грубое требование и жесткий отказ
3. порицание (упрек, обвинение), насмешка
4. жалоба, донос, клевета, ссора.

Феномен агрессии привлекал и привлекает внимание специалистов разных областей: политиков и социологов, психологов и философов. Большой интерес этот феномен представляет и для лингвистов, в частности, лексикологов и лексикографов. Слово «агрессия» (от лат. aggression ‘нападение’) приобретает активность в русском языке с середины 30-х гг. XX столетия. Об этом свидетельствуют материалы Толкового словаря русского языка в 4-х томах под ред. Д.Н.Ушакова. Два слова ряда: «агрессия» и «агрессор» - маркируются в словаре пометами «политическое» (слова

«агрессивность» и агрессивный» имеют пометы «книжное»). Таким образом, четко определяется денотативное пространство функционирования названных слов – публицистический, прежде всего политический дискурс. История бытования слов группы «агрессия» в советской газетной публицистике весьма интересна: они становятся неотъемлемой частью языковой картины мира советской эпохи, соотносясь с образом врага. Существительное «агрессор» на этом временном отрезке закрепляется в типическом употреблении, во-первых, для обозначения абстрактного, обобщенного врага: ...никакой агрессор не может ожидать с нашей стороны никакой помощи и поддержки – такова наша целостная политическая концепция», – отмечалось в газете «Правда» от 15 июля 1937 года [«Правда» 15.07.1937, электронный ресурс], а во-вторых, для обозначения «персонифицированного» врага, иначе говоря, в качестве идеологического ярлыка. При этом в соответствии с идеологической установкой и политическими интересами и приоритетами советского режима референт для имени «агрессор» фактически «назначался» (или «увольнялся», но «свято место пусто не бывало»).

В диссертации Щербининой Ю.В. «Вербальная агрессия в школьной речевой среде» изучаются причины и последствия речевой агрессии, как проявления речевого конфликта. В частности она указывает, что рассматривая вопрос о причинах возникновения речевой агрессии и ее последствиях. Необходимо различать понятия речевой агрессии как феномен того или иного общества в целом и как конкретные его проявления в определенной ситуации общения. В первом случае, вероятно, следует говорить о *причинах* вербальной агрессии, во втором – о *мотивах* агрессивного речевого поведения (или речевой деятельности – в зависимости от степени осознанности и продуманности конкретного агрессивного высказывания)». [Щербинина, электронный ресурс].

Среди объективных причин проявления вербальной агрессии в современном обществе можно выделить следующие: 1. Биологические; 2. Социальные; 3. Психологические; 4. Социокультурные; 5. Собственно коммуникативные.

Говоря об агрессии человека, в частности о вербальных ее проявлениях, необходимо признать, что возникновение и развитие агрессивности зависит преимущественно от общественных условий, к которым относятся и общественная формация в целом, и ближайшая социальная среда, малая группа.

На этом основании среди *социальных* причин вербальной агрессии (как главных и определяющих степень и характер ее проявления в том или ином обществе) можно выделить, прежде всего, следующие:

1. Общая социальная нестабильность (особенно в настоящее время и в нашей стране) и в связи с этим – неуклонный рост преступности, случаев асоциального поведения, в частности, детских и подростковых и, как следствие, появление и неуклонный рост числа микрогрупп, где культивируется речевая агрессия, где она выступает как часть кодекса речевого поведения. При этом практически отсутствует строгий юридический контроль над проявлениями вербальной агрессии в современном обществе – четко продуманной и реально действующей системы законов и нормативных актов.

Между тем в герменевтической концепции французского философа П. Рикера "Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права" в качестве одной из возможных оппозиций языковому насилию, сдерживающего механизма справедливо рассматриваются именно юридические нормы, процесс (судебное разбирательство – tribunal) как "регламентированная форма конфликта", "правовая переработка насилия", цель которого – "способствовать общественному миру благодаря торжеству языка над насилием". [Рикер, электронный ресурс].

Кроме того, одной из причин распространения вербальной агрессии в современном обществе способствуют искажение в сознании наших соотечественников системы духовных ценностей (культ силы; стремление к власти; популярность идеи цели, оправдывающей средства и т.п.) и соответствующие социальные установки (представление о мире как о жестоком и полном насилия; ориентация на достижения высокого социального положения; идеал успешной и уверенной в себе личности как человека, способного "дать словесный отпор" и т.п.).

2. Пропаганда насилия в средствах массовой информации. Масс-медиа, прежде всего телевидение, выступают как источник вербальной агрессии. (Механизм воздействия средств массовой информации на сознание потребителя, в том числе на его языковое сознание описан в статье О. Старовой "Средства массовой информации как источник агрессии".

Распространению вербальной агрессии способствуют также популярность жанров боевика и триллера в современной литературе и кинематографе с соответствующими моделями речевого поведения персонажей и набором словесных клише; компьютерные игры и музыка агрессивной направленности; нездоровый интерес к подробностям преступлений, связанных с агрессией в прессе и т.п.

Как справедливо полагает В.Г. Костомаров, "элемент игры, раскованности, панибратства проникает в изложение трагических событий, свидетельствуя не только о несостоятельности автора, о его дурном индивидуальном вкусе и плохих манерах, но и о торжествующей стилистической тенденции". Пример: "За полтора часа до убийства отца сынок перочинным ножом уже успел тяжело ранить собутыльника, с которым коротал рождественский вечерок. Тем же ножиком он и порешил родного папульку". ("Зарезал...папу". Куранты, 1993, № 5) [Костомаров, электронный ресурс]

Кроме того, по данным исследований В.И. Жельвиса, в последние пять-семь лет многие не только зарубежные, но и российские СМИ "культивируют инвективизацию речи" – неоправданное употребление бранных слов и

выражений. Данное положение подтверждают и исследования В.Г. Костомарова. В работе "Языковой вкус эпохи" он приводит многочисленные примеры того, как ""непечатное слово" сегодня просто рвется на страницы ряда "демократически-свободных" независимых газет". При этом нельзя не согласиться, что "за вкусом к беспредельной свободе выражения, за фамильярной развязностью тона, который в моде, часто скрывается духовный нигилизм, утрата исторической памяти и уважения к отечеству" [Костомаров, электронный ресурс].

3. Утрата или ослабление в связи с длительными социальными потрясениями механизмов, традиционно сдерживавших проявления речевой агрессии. Например, в русской традиционной культуре прошлых веков такую роль играли:

а) *религиозные* представления – с одной стороны, культ Слова в христианской этике, с другой – народные верования. Например, боясь лешего, не ругались в лесу; у русских крестьян считалось опасным бранить детей, ибо на том свете они отвернутся от родителей; согласно поверью, в дом, где люди бранятся и ругаются, проникают бесы и т.п.

б) более строгое соблюдение норм *речевого этикета*;

в) категория чести и связанный с ней механизм *дуэли*.

Последний имел особенно сильное воздействие на языковое сознание, поскольку, как справедливо отмечает А.К. Михальская, "самим своим существованием делал речевую агрессию...настолько опасной..., что в общем грубые и открытые формы речевой агрессии использовались ограниченно". [Михальская, электронный ресурс]

Социальные предпосылки широкого распространения вербальной агрессии в современном мире во многом определяют и собственно коммуникативные причины проявления этого феномена, среди которых прежде всего необходимо, на наш взгляд, выделить следующие:

1. Некоторые тенденции развития современного русского литературного языка, которые В.Г. Костомаров определяет таким образом:

– "Если нормальное развитие нормы обеспечивается равнодействием сохранности традиции и коммуникативной целесообразности, то сегодня влияние первой ослаблено, а вторая преувеличена и часто понимается искаженно".

– "Сближение стилей литературного языка, по природе своей книжного даже при устной форме реализации, с раскованной разговорной речью..."

Этим во многом объясняется тот факт, что в последнее время "журналисты, особенно в молодежных газетах, ...сознательно культивируют "огрубевший русский язык", который "подкупает своей реалистичностью" и "раздвигает круг читателей"".

2. Ряд стереотипных коммуникативных установок родителей, боящихся, что их ребенку будет нелегко адаптироваться в "жестоким" мире, которые выражаются в таких словесных шаблонах, как "дать сдачи", "постоять за себя", "оправдать родительские надежды любой ценой" и т.п. причем чаще всего это подразумевает именно вербальную (как менее осуждаемую), а не физическую агрессию!

Как отмечает К. Бютнер, "посылая своего ребенка "в мир", родители, естественно, озабочены тем, сможет ли он и каким образом защитить свою личность во всех ожидающих его столкновениях". [Бютнер, электронный ресурс]. При этом "даже если в семейном воспитании упор делается на кооперативное и толерантное поведение, все равно на переднем плане остается надежда, что их собственному ребенку удастся занять одно из самых престижных мест в жизни".

3. Недостаточное овладение коммуникативными умениями и навыками: недостаточное внимания к речевой культуре в семье и отсутствие целенаправленного обучения коммуникативным умениям в школе.

4. Патогенная коммуникативная среда в детском коллективе, отрицательный личный опыт речевого общения ребенка, изначально не склонного к речевой агрессии (установка на негативный речевой контакт в детском коллективе, выражающаяся в желаниях типа "переспорить", "передразнить" и

навешивании словесных ярлыков, например, "ябеда", "враль", "воображала" и т.п.)

Социокультурными факторами, определяющими большую или меньшую степень проявления в обществе вербальной агрессии, можно назвать следующие:

1. Отношение к речевой агрессии и степень ее порицаемости в данном обществе, культуре. Так, например, значительная степень социальной лояльности к вербальной агрессии в российском обществе, очевидно, позволяет предположить, что "данное явление встречается в нашем обществе значительно чаще и представлено многообразнее, чем, скажем, в японской культуре, где вербальная агрессия встречает активное общественное осуждение".
2. Традиционная для данного общества форма сублимации физической агрессии. Согласно исследованиям В.И. Жельвиса, основанным на сравнении различных речемышлительных культур, физическая агрессия (как наиболее неприемлемая форма агрессии практически в любом современном обществе) может замещаться более социально приемлемыми способами выплеска негативных эмоций. Либо в форме инвективы – употребления в речи бранных слов и выражений, либо в форме вежливости. Как ни странно, вежливость при этом также как инвектива позволяет расценивать себя как своеобразный субститут физической агрессивности. Если говорить в этом аспекте о русской речевой традиции, то для нее, как и для европейской культуры в целом, по мнению В.И. Жельвиса, типичнее инвектива, вербальная агрессия.

Интересен взгляд Д. Жмурова на проблему агрессии и влияния на нее современных СМИ. Вот, что он пишет в статье «Насилие (агрессия) и литература»: «Враждебность – это тенденция создавать образ врага там, где для этого нет реальных оснований. Часто она является непосредственной причиной агрессивного поведения» [Жмуров, электронный ресурс]. Также в

этой работе он рассматривает приемы, которые применяются в СМИ для провокации враждебности:

1. Метод свержинформирования. «Используется, когда...необходимо вызвать негативную реакцию к какому-либо явлению» или человеку. «Во время выборов данный прием активно применяется в форме «информационного взрыва»». Одна из соперничающих сторон начинает агитировать за своего оппонента. Обилие информации, пусть даже положительной, не приносит оппоненту успеха, вызывая у людей лишь раздражение и злобу.

2. Метод ассоциативного мышления. «Так, во время югославского конфликта в 1998 году... на Западе были опубликованы статьи, посвященные технологии «демонизации сербов». Главный вывод: если непрерывно и долго помещать слово «серб» в отрицательный контекст (просто включать в описание страшных событий и в окружение негативных эпитетов), то у людей возникает устойчивая неприязнь к сербам. Эффективность этого метода продемонстрировала «антисербская» кампания западной печати в 1993-1995 гг.

3. Метод «психологического шока». Он был применен во время Первой Мировой войны. Пресса буквально «бомбила» массовое сознание статьями о жестокости солдат кайзера. Изуверские картины должны были вызвать ненависть ко всем немцам. А ненависть, по Е. Ильину, – это «сильно выраженное чувство враждебности».

Вот несколько примеров, упомянутых в статье Р. Зульцмана. «Пропаганда как оружие в войне»: «Всю мировую прессу обошла ложь об отрубленных солдатами детских руках. Для католиков была придумана легенда о распятии католических священников, которых, якобы, подвешивали к колоколам. Самой «гнусной и одновременно самой действенной ложью» стало сообщение о том, что немцы перерабатывают трупы солдат на стеарин и на корм для свиней. Обществом негодовала. Для Китая это сообщение стало формальным поводом для вступления в войну на стороне Антанты.

Заметка о том, как кайзер добывает жир из трупов солдат, раздула «пламя ненависти среди американских граждан и среди народов других цивилизованных стран. Совершенно нормальные люди, узнав об этом, сжали кулаки и бросились к ближайшим бюро по вербовке в армию. Теперь им рассказывают, что в действительности они были обмануты и одурачены». Однако случаи этих зверств так и не были доказаны. (Repington. «Diary of the World War»).

3. Повторение как провокация враждебности. «Самый эффективный способ пропаганды – неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру». Антонио Грамши писал, что это – «не изречение некой истины, которая совершила бы переворот в сознании. Это огромное количество книг, журналов, брошюр, газетных статей..., которые без конца повторяются».

«Антисоветская пропаганда на западе была построена как раз по такому принципу, – пишет Жмуров. – «Содержание...«Нью-Йорк таймс», лондонской «Таймс», парижской «Монд», западногерманской «Франкфурт альгемайне цайтунг» и других ведущих буржуазных газет таково, что нет буквально ни одного номера, где бы – антисоветские домыслы, выпады, намеки, предположения...не занимали заметного, а часто и ведущего места». «Жонглирование стереотипами, массовая дезинформация призваны создать атмосферу одобрения общественным мнением любых антисоветских, агрессивных, милитаристских акций»».

5. Подмена понятий. «Подмена – заключается в использовании благоприятных определений для обозначения неблагоприятных действий (или наоборот)». Целью приема является создание одобрительного или враждебного отношения к насилию и тем, кто его совершает. В войне США с Ираком об англо–американских солдатах принято писать как о «союзниках», их действия обозначаются нейтрально – «союзники продвинулись» (заняли),

«солдаты освободили такую-то местность». Иракских же солдат чаще называют террористами и фанатиками.

Во время Вьетнамской войны в США газеты использовали специальные словари для того, чтобы произвести на читателя нужное впечатление. «Так, с 1965 г. военные действия во Вьетнаме назывались в прессе «программа умиротворения». Это слово настолько вошло в обиход, что в газетах можно было прочесть такое сообщение: «Одна деревня так упорно сопротивлялась умиротворению, что, в конце концов, ее пришлось разрушить».

6. Использование семантических мифов. Известная фраза «Нам нужна одна победа...» – пример такого мифа. Подобная мифология состоит из «аллюзий, реминисценций, цитат из Великой Отечественной войны, объективированных в коллективной памяти, фольклоре...литературных и кинематографических клише». (Г.Зверева). Данные мифы спекулятивно используются применительно к Чеченской войне в России. Их использование рассчитано на ассоциативную подмену образа врага – с «немца» на «чеченца» и перенесения враждебности с одной фигуры на другую. Аппеляция к народной ненависти, в сущности, попытка обмана с целью заставить русский народ враждебно относиться к чеченскому.

7. Создание атмосферы страха, неуверенности в будущем. Этот прием сродни созданию фобий с помощью литературы в сектах, активно использовался в антисоветской пропаганде.

Таким образом, мы делаем вывод, что широкая распространенность вербальной агрессии, обусловлена значительной социальной лояльностью к этой разновидности агрессии, а также отношением в современном российском языковом сознании к речевой агрессии как к возможной, социально приемлемой и адекватной форме сублимации физической агрессии.

Если говорить о психологических_причинах проявления вербальной агрессии в исследуемой речевой среде, то необходимо, прежде всего,

учитывать следующие возрастные психологические особенности средних и старших школьников:

1. Психологический кризис подросткового возраста, который, как известно, отмечается повышенным проявлением агрессии вообще и речевой особенно.
2. Обострение в подростковом возрасте психологического дискомфорта при попадании в ситуацию фрустрации и более частое создание таких ситуаций
3. Временная гиперфункция или гипofункция одного из уровней базальной системы эмоциональной регуляции:

– Гиперфункция *уровня стереотипов*, который характеризуется возникновением примитивной эмоциональной избирательности в контакте с окружающим, стереотипностью поведенческих реакций, яркой окрашенностью эмоциональных переживаний удовольствием или неудовольствием. При гиперфункции этого уровня происходит "увеличение активности в удовлетворении потребностей и, как следствие, фиксация на отрицательных впечатлениях, их слишком острое переживание", что может провоцировать агрессию, в частности вербальную.

– Гиперфункция *уровня экспансии*, особенностями которого являются развитие уровня притязаний, создание опыта успехов и поражений, восприятие гнева и агрессии как угрозы существованию субъекта. Именно на этом уровне "агрессивные проявления входят в состав возможных способов аффективной адаптации к окружающему" и приобретают форму более сложного целенаправленного поведения. Поэтому в случае гиперфункции этого уровня возрастает потребность в драматизации отношений с миром и, следовательно, склонность к ссорам, конфликтам, агрессивным высказываниям.

– Гипofункция *уровня эмоционального контроля*, "отвечающего за разрешение сложных этологических задач организации жизни индивида в обществе", налаживание эмоционального взаимодействия с другими людьми, формирование умения сопереживать другому человеку (эмпатики). При ослаблении этого уровня наблюдается и ослабление влияния социальной

приемлемости, правильности форм поведения, что, в свою очередь, тоже приводит к проявлениям вербальной агрессии, которая начинает восприниматься говорящим адекватная реакция (например, на замечание) или как оправданная и целесообразная речевая тактика (например, в ситуации спора, дискуссии).

Лингвоконфликтология – раздел лингвистики, изучающий языковые и речевые конфликты. Языковые конфликты делятся на два вида: конфликты по поводу языка и конфликты с использованием языка. Они реализуются в речи как конфликты участников коммуникативного акта. Речевой конфликт рассматривает противостояния двух и более коммуникантов, связанных в едином коммуникативном событии, обусловленном разными факторами: психическими, социальными и этическими и т. д., экстраполяция которых происходит в речевой ткани диалога. Систематизация различных факторов позволяет описать речевой конфликт многогранно и ширококонтекстно. Применительно к языко-речевым конфликтам Н.Д. Голевым разработана их классификация в сборнике «Юрислингвистика». Автор трактует такие конфликты как естественное проявление противоречивой природы языка и речи, вытекающей из антиномического устройства языка, неизбежности множественной интерпретации речевых произведений и различия "интересов" коммуникантов. В сознании носителя языка речевой конфликт существует как некая типовая структура – фрейм, включающий обязательные компоненты: участники конфликта; противоречия (во взглядах, интересах, точках зрения, мнениях, оценках, ценностных представлениях, целях и т. п.) у коммуникантов; причина–повод; ущерб; временная и пространственная протяженность. Фреймовая структура речевого конфликта и особенности ее реализации в разных социально–языковых ситуациях представлена в диссертациях О.Н. Матвеевой, О.В. Саржиной, А.В. Коряковцева, В.С. Третьяковой, И. Кудряшова, статьях Н.Д. Голева, Н.В. Обелюнас и др. Обостренный интерес к проблемам речевого конфликта и гармонизации

речевого общения выразился также в рамках новой отрасли антропоцентрической лингвистики – речевой конфликтологии.

Конфликт в лингвистике – событие, связанное коммуникативной ситуацией и протекающее во времени, которое может быть представлено в динамическом развитии. К способам такого представления относятся, во–первых, сценарий, отражающий развитие в рамках стереотипной ситуации «основных сюжетов» взаимодействия, и, во–вторых, речевой жанр с типовыми лингвистическими структурами. Сценарная технология дает возможность проследить стадии развития конфликта: его зарождение, созревание, пик, спад и разрешение. Анализ конфликтного речевого жанра показывает, какие языковые средства выбрали конфликтующие стороны в зависимости от их замысла. Сценарий закрепляет стандартный набор способов действий, а также их последовательность в развитии коммуникативного события; речевой жанр строится по известным тематическим, композиционным и стилистическим канонам, закрепленным в лингвокультуре. Поэтому обеспечивается предсказуемость речевого поведения в различных ситуациях общения. Динамическое структурирование конфликта на базе названных терминов имеет объяснительную силу для распознавания потенциально конфликтных ситуаций, ситуаций риска и собственно конфликтных ситуаций, а также для прогноза и моделирования коммуникантами как самой ситуации, так и своего поведения в ней.

Проблема лингвистического конфликта как феномена жизни базируется на пересечении интересов ученых из разных областей научного знания. В частности ее изучают юристы, социологи, психологи, лингвисты, педагоги. Появляются новые научные области в исследовании конфликта. Так родилась юрислингвистика, объектом изучения которой являются теоретические и практические проблемы взаимодействия языка и права, лингвистики и юриспруденции в аспекте регулирования различного рода социальных конфликтов, связанных с использованием языка в разных сферах социальной жизни.

1.3 Средства выражения речевой агрессии

В статье Т.Г. Ашурковой «Формы проявления речевой агрессии в газетном тексте» указывается, что «под речевой агрессией следует понимать выражение средствами языка негативного эмоционально–оценочного жесткого отношения к кому–, чему–либо, зачастую нарушающее представление об этической и эстетической норме, а также перенасыщение текста словесно выраженной негативной информацией, вызывающее у адресата тягостное впечатление».

Американский психолог А. Басс дает следующую классификацию вербальной агрессии:

1. прямая активная– словесное оскорбление или унижение другого человека («сволочь», «лох», «придурок» и т.д.).
2. непрямая активная – распространение злостной клеветы или сплетен о другом человеке
3. пассивная прямая – отказ говорить с другим человеком, отвечать на его вопросы
4. пассивная непрямая – отказ дать определенные словесные пояснения или объяснения, высказаться в защиту незаслуженно критикуемого человека.

В диссертации «Вербальная агрессия в школьной речевой среде» агрессия рассматривается с точки зрения психолингвистического подхода. «Опираясь на психологическую теорию деятельности (А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев) и пользуясь ее терминологией, акт речевой агрессии можно рассматривать как интериоризацию поступка, то есть "переход, в результате которого внешние по своей форме процессы...преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации – обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию...". Иными словами, сущность явления речевой агрессии заключается в особом преобразовании внешних процессов (различные реакции на негативные эмоциональные раздражители) во внутренние,

связанные с речемыслительной деятельностью, поскольку "важнейшей формой выражения эмоций у человека является речь". .

При этом основной и характерной чертой речевых, в том числе и агрессивных, актов является их дуалистическая связь: с одной стороны, с рефлексам, присущими как животным, так и людям; и с другой стороны, – с высшими, свойственными только человеку, формами нервно–психической деятельности. На эту социально–биологическую связь речевых реакций указывает А.Р. Лурия: "Речевые реакции, являясь сложно нервно–психической деятельностью, опираются на интеллектуальные процессы и на прежний жизненный опыт ребенка, построенный по форме рефлекса".

В связи с этим, естественно, что вербальный и физический агрессивные акты имеют общие мотивы, механизмы и структуру. Так, П.Я. Гальперин обращает внимание на то, что "речевое действие строится как отражение материального действия. Для этого последнее...развертывается и шаг за шагом переносится в речевой план. Определенные термины и обороты языка связываются с определенными элементами и операциями материального действия, располагаются так, чтобы отобразить его течение". И далее: "...Перенесение действия в речевой план означает не только выражение действия в речи, но прежде всего речевое выполнение предметного действия – не только сообщение о действии, но действие в новой, речевой форме. Речь есть форма предметного действия, а не только сообщение о нем". [Гальперин, электронный ресурс].

Процесс вербализации эмоций подробно описан Я. Рейковским: "Развивающийся эмоциональный процесс вызывает в сознании изменения, которые заключаются в появлении репрезентирующих эмоцию знаков (или в вербализации эмоций), а также в перестройке структуры высказывания и в приобретении им эмоциональной окраски". Эти изменения поддаются систематическому описанию и количественному выражению, что дает возможность их научного изучения.

«Массовая вербальная агрессия, направленная на конкретный и чаще всего непосредственно присутствующий объект. Примеры – очень сильное по шкале интенсивности выражение негативного отношения класса к одному из учеников из-за того, что именно его, а не кого-то другого вызвали к доске, коллективное осмеяние девочки, не сделавшей домашнее задание, речевая агрессия класса, недовольного решением учителя задержать класс на перемене что из-за медлительности одного ученика».

Особой разновидностью переходной массовой агрессии в школьной среде, с точки зрения состава участников "раздражающей" ситуации, является случай, когда участниками этой агрессии являются и учитель (учителя), и ученики.

Проблема описания и классификации основных форм речевой агрессии в настоящее время является практически не разработанной. Немногочисленные попытки, предпринимавшиеся в данном направлении, ограничивались либо какой-то одной сферой речевого общения (А.П. Сковородников), либо затрагивали слишком узкий круг агрессивных высказываний (А. Басс, С. Фишбах, Л.М. Семенюк). В таких подходах не учитываются, во-первых, вся совокупность аспектов исследования речевой агрессии, во-вторых, многообразие форм и ситуаций ее проявления.

Так, например, А. Басс делит агрессивные высказывания на три типа:

1. Реакции отвержения (типа: "иди прочь", "убирайся" и т.п.);
2. Враждебные замечания (типа: "твое поведение меня раздражает", "не выношу тебя" и др.);
3. Критицизм, который:
 - а) может быть направлен против принадлежащих личности предметов, одежды, работы и т.д.;
 - б) может приобретать форму дискредитации чьей-либо деятельности;
 - в) может выражаться в виде оскорблений, проклятий, направленных непосредственно против данного человека.

Очевидно, что такое деление, во–первых, не отражает всего многообразия форм проявления речевой агрессии; во–вторых, в нем учитывается только психологический аспект исследования этого феномена – с точки зрения выражения определенного негативного чувства. В–третьих, такая классификация не дает представления о речевых средствах создания агрессивных высказываний.

Л.М. Семенюк выделяет и описывает агрессивные высказывания с точки зрения их содержания:

1. Многочисленные отпоры;
2. Отрицательные отзывы и критические замечания;
3. Выражение отрицательных эмоций в форме брани, затаенной обиды, недоверия, ярости, ненависти, когда эти реакции не служат для простого описания эмоциональных состояний;
4. Высказывание мыслей и желаний агрессивного содержания ("Я больше всего хотел бы его убить"; "Возможно, с ним когда–нибудь это и случится"; или в форме проклятия);
5. Оскорбления;
6. Угрозы, принуждения и вымогательства;
7. Упреки и обвинения. (76, С.10)

В книге «Лингвистическая экспертиза текста» Баранов рассматривает различные феномены языка и речи, которые становятся предметом исследования лингвистической экспертизы спорных текстов.

Фразеологизмы – это словосочетания (иногда предложения), устойчиво воспроизводящиеся в речи и обладающие той или иной степенью идиоматичности значения. К классу фразеологизмов относят идиомы, коллокации, пословицы и поговорки. В лингвистической экспертизе чаще всего приходится иметь дело с идиомами.

Метафора – когнитивный феномен, представленный на уровне языковых форм словом, словосочетанием, фрагментом текста, а иногда и целым текстом, семантика которого сформировалась как результат осмысления

сущности одной понятийной области через другую понятийную область: в ее категориях и свойственных ей понятиях. Например, метафора «фашист», намекающая на жестокость того или иного лица является наименованием «фашист», указывая не на принадлежность данного лица к национал-социалистической партии, а на то, что его действия в чем-то аналогичны действиям фашистов.

Намек. В толковых словарях слово «намек» толкуется как «слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание при догадке», «слово или выражение, в котором мысль высказывается неясно, не полностью и может быть понята только по догадке».

Истинный, или сложный намек – это такой способ косвенной передачи информации, который с формальной точки зрения основан на усложнении описания информации языковыми формами (реже – на использовании многозначных действий или действий с нестандартной семантикой), а с содержательной – допускает вариативность реконструкции своего содержания в процессе угадывания, в основе которого лежат преимущественно нерегулярные правила вычисления смысла и использования знаний адресата о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте, при этом намек формирует альтернативный уровень содержания текста, непонимание которого не ведет к коммуникативной неудаче в понимании основной части текста.

Языковая игра – нестандартное, отклоняющееся от нормы использование языковых выражений, целью которого является не передача информации, а затруднение понимания, приводящее – среди прочего – к концентрации внимания участников ситуации общения на языковом выражении, на границах и возможностях языкового воплощения смысла.

Говоря о детской субкультуре нельзя не упомянуть дразнилки.

Дразнилки – это короткие насмешливые стишки, высмеивающие то или иное качество, а иногда и просто привязанные к имени. Полагают, что дразнилки перешли к детям из взрослой среды и выросли именно из прозвищ

и кличек. Позднее к прозвищам добавлялись рифмованные строчки, так и сформировались дразнилки. Сейчас дразнилка может не только связываться с именем, но и высмеивать какие-либо отрицательные черты характера: трусость, лень, жадность, заносчивость. Впрочем, сохранились и беспричинные дразнилки.

Поддевки – другая форма насмешки – поддѣвки – своеобразные словесные игры. Они основаны на диалоге, а диалог построен так, чтобы поймать человека на слове. Чаще всего он начинается с вопроса или просьбы. «– Скажи: "Лес"! – «Лес!» – «Твой брат балбес!

Также выражением речевой агрессии можно назвать угрозу.

Угроза – обещание причинить какое-либо зло, неприятность.

Эти и другие способы выражения речевой агрессии мы подробно рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА 2

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО КОНФЛИКТА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2.1 Адресат агрессивной лексики

Тема речевых конфликтов в детской и подростковой литературе не нова, но способ их выражения, в том числе и языкового, менялся в зависимости от эпохи и той области жизни, которую отображал писатель в своем творчестве. В отечественной детской литературе мы видим все виды конфликтов:

1. Межличностный
2. Между личностью и группой (В. Железников «Чучело», Л.Чарская «Княжна Джаваха», «Записки маленькой гимназистки»)
3. Межгрупповые

Адресатом агрессивной лексики героя чаще всего является другой персонаж, его ровесник или взрослый. Но иногда своеобразным «адресатом» может стать и вся окружающая героя реальность, которую он так или иначе не принимает. Как, например, в повести Л.Чарской «Волшебная сказка» главная героиня Надя не принимает тот образ жизни, который ведут ее близкие и который вынуждена вести она, и называет ее «прозой», противопоставляя ее другой жизни, «сказке», о которой она читает в романах. Или в повести Э. Веркина «Друг–апрель» конфликт героя – подростка Ивана по прозвищу Аксен, с окружающими его взрослыми превращается в неприятие им и всего мира. Особенно это можно увидеть в эпизоде на рынке, где его дядя, приехавший из Москвы, развлекает толпу, устраивая представление с мыльными пузырями. Иван–Аксен тоже находится в этой толпе, но не считает себя ее частью. В его мыслях особенно часто по отношению к этим людям и к миру звучит слово «глупый». «Женщина с глупым лицом», «мир ворвался в уши с глупым дребезжанием». А, наблюдая за пузырями, он сравнивает их с семьей и называет «большая мамка и ее глупые детишки» [Э. Веркин, 125 с].

Чаще всего агрессивная лексика по отношению ко всей окружающей реальности является отображением внутреннего мира персонажа, но не всегда. Как, например, в повести А.Егорушкиной «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик» при описании восприятия героями – Лизой и Левушкой волшебного города Радинглен, попавшего под власть чар злого волшебника Мутабора, чаще всего используется слово «гадость» и производные от него. «Гады какие» [Егорушкина, 244 с], «В городе происходит какая-то магическая гадость» [Егорушкина, 247 с], «Гадость какая-то» [Егорушкина, 259 с]. Эти фразы лишний раз подчеркивают неприятие героями окружающей их в заколдованном Радинглене реальности. Или в повести А. Бруштейн «Дорога уходит в даль» отец главной героини – Яков Ефимович Яновский на вопрос дочери о незаконнорожденных детях, заявляет: «Это позор! Это стыд и позор!..Стыд и позор тому обществу, для которых одна мать хорошая, а другая – плохая. Это подлое, трусливое общество, милостивые мои государи!» [Бруштейн, 514 с].

Лексику с негативной экспрессивной окраской герой может использовать и по отношению к самому себе. «А я-то хорош! Старый я дурак, до седин дожил, а ума не нажил! Это ж надо – на слово поверить!» [Егорушкина, 339 с], «дурень старый» [Егорушкина, 347 с]. «Ладно, сам хорош» [Егорушкина, 352 с]. «Старый леший» [Железников, 231 с]. «Ах я разбитый градусник!..Я врач и так грубо ткнул пальцем в рану..Ах я дырявая грелка!» [Прокофьева, 13 с]. Что интересно, чаще всего негативную лексику по отношению к самому себе используют положительные герои, как дедушка Лены Бессольцевой или Детский Доктор из сказки С. Прокофьевой «Приключения желтого чемоданчика». Именно положительным героям чаще всего свойственна самокритичность.

Объектом лексики с негативной экспрессивной окраской могут быть не только люди, но и неодушевленные предметы или даже государственные учреждения или явления. «Суд был – одна комедия» [Бруштейн, 121 с]. «Суд был безобразный» [Бруштейн, 398 с], «Не лестница – цирк! Упражнение на

турникете!» [Бруштейн, 82 с]. «Больница! Это же трупяня (мертвецкая). Только покойников туда складывать, а не живых!» [Бруштейн, 77 с]. Или Тамара, говоря о туалетном столике, который ей купил опекун доктор Рогов, называет его «мещанство» и «зеркало в собачьей будке» [Бруштейн, 319 с]. Агрессивная лексика может быть использована и по отношению к животным. «Паршивый слон! Я тебя в полицию посажу!» [Бруштейн, 105 с]. Или в повести «Волшебная сказка» приживалка Анны Ивановны Поярцевой, Кленушка кричит собакам, за которыми приставлена ухаживать: «Чтоб вы пропали! Удержу на вас нету, Макс, ненавистный ты этакий! Будешь ты слушаться, Заза? Ледка, вот я вас кнутом, дождетесь вы у меня!» [Чарская, 335 с].

Адресатом агрессивной лексики может быть даже собственная одежда, как, например, Яков Яновский, отец Шуры из повести «Дорога уходит в даль» называет свой фрак «идиотом», а рубашку – «мерзавкой». А Лена Бессольцева из повести В.Железников «Чучело» называет свое платье «маскировочный халат».

В случае, если речь идет об одежде другого персонажа, то почти всегда это – отношение адресанта к ее владельцу. Как, например, в повести Л.Толстого «Детство», где главный герой Николенька, чувствуя ненависть к своему учителю Карлу Ивановичу, переносит это чувство и на его вещи. «Противный человек! И халат, и шапочка, и кисточка – какие противные!» [Толстой, 6 с].

Как ни странно, иногда объектом лексики со значением негативной оценки могут быть и слова, которые использует собеседник. Такие примеры мы можем найти в повести «Дорога уходит в даль». Например, слово «жид», которое категорически не одобряют отец главной героини – Яков Яновский и его друг доктор Рогов, называя его «злое», «подлое» и «мерзкое» слово.

Но если слово «жид» является заведомо оскорбительным для адресата, то иногда лексика со значением неодобрения может быть использована в отношении слов, нейтральных по смыслу. Как слово «очень», которое крайне

не нравится другу главной героини – ее соседке Валентине. «Что такое «очень»? Это глупое, взрослое слово. Порядочный ребенок должен говорить не «очень», а «ужасно». Ужасно люблю, ужасно ненавижу – вот, как должен говорить уважаемый мной ребенок!» [Бруштейн, 371 с].

Саму же главную героиню очень раздражает, если ее отец, Яков Яновский, отвечая на ее вопрос, говорит «видишь ли..собственно говоря». Как объясняет отцу она сама: «Когда ты начинаешь тянуть «видишь ли..собственно говоря» – значит, ты не хочешь сказать мне правду» [Бруштейн, 294 с].

Дразнилки и прозвища

Говоря о речевой агрессии в детской литературе нельзя не упомянуть и дразнилки, как одну из главных особенностей общения в детской среде. «Стрижка–ерыжка» [Чарская, 34 с] «Рот до ушей хоть завязочки пришей», «Тили–тили тесто, жених и невеста!» [Железников, 46 с]. «Лизка–сосиска» [А.Егорушкина, 36 с]. «Рыжая–конопатая» [Егорушкина, 65 с].

Довольно часто дразнилки сочиняются в стихотворной форме. Это могут быть два зарифмованных слова, а могут быть и четверостишья. Такие дразнилки часто используют герои повести «Республика ШКИД» в адрес своих воспитателей. Например, они подшутили над одним из воспитателей, прозванным «граф Косецкий» и сочинили об этом песенку: «На берегу граф Косецкий лазал с видом молодецким. Долго плакал и рыдал. Все кальсоны доставал» [Г.Белых, Л.Пантелеев, 116 с] или о другом преподавателе, учителе литературы: «Асси в классе, а в классе бузаси. В классе бузаси. Бедненький Асси» [Белых, Пантелеев, 191 с]. «Бузаси» – производное от слова «буза» – беспорядок. Здесь автор иронизирует по поводу неспособности учителя навести порядок в классе.

К этому же можно отнести и поддевки – своеобразные словесные игры, построенные в форме диалога. «Почему?» «По кочану» или «потому что кончается на «у»». «– Тебя тоже не примут, не воображай!.. Не примут!». «–Почему?». «Потому что «потому», кончается на «у»! Не примут вас

никого?» [Бруштейн, 191 с]. «Ну?..Баранки гну» [Егорушкина, 408 с]. «– Ай! – Ай поехал в Китай, остался его брат, Пай, а брат Пай просил: «Нас не обижай!» [Чарская, 121 с].

Также средством выражения речевой агрессии могут быть разного рода клички и прозвища. Они могут быть нейтральными и принятыми самим адресатом и даже выражать симпатию и уважение, как прозвище главной героини Анны Стрельниковой из повести В.Ивановой «Тайна королевы роллеров» – Стрелка. А в повести Лидии Чарской «Записки институтки» воспитанницы прозвали одну из своих классных дам «фройлен Кис–кис». Междометие «кис–кис» вызывает ассоциацию с кошкой, чем–то мягким и ласковым. Для сравнения, другую классную даму, которую воспитанницы ненавидели за ее излишнюю строгость, они прозвали «Пугач».

Но чаще всего прозвища имеют или явный негативный характер, или иронический.

Среди прозвищ можно выделить:

1. Образованные путем сокращения имен или фамилий. Особенно свойственно советской литературе 20 ых годов. Сказывается стремление к сокращению слов, свойственное эпохе в целом. Викниксор, Эланлюим (Белых Г, Пантелеев Л «Республика ШКИД»). В повести «Дневник Кости Рябцева» ученики и вовсе называют учителей только сокращенно. «С этого года мы решили всех шкрабов сократить для скорости, – говорит главный герой (шкрабы – школьные работники). – Алексей Максимович Фишер будет теперь Алмакфиш. Николай Петрович Ожигов – Никпетож». [Н.Огнев, 17 с].
2. «Игра ассоциаций». Так появилось прозвище героя Арбуз из повести «Жених из 8 «А»». Фамилия героя – Адынин. Сам он своего прозвища не стесняется и охотно объясняет, откуда оно взялось. «Адынин – это почти Дынин, а любая дыня и есть арбуз» [Матвеева, 9 с].
3. эпитеты, присвоенные герою. По принципу:
 1. Национальности или внешнего сходства с лицом той или иной национальности – Янкель, Япончик, Цыган.

2. Внешности. Могут быть оскорбительными, как Рыжий, Чучело, Заплаточник (В.Железников «Чучело»), Пузырь, Каланча, Жирафа, «Черная Зоя» (Н.Огнев «Дневник Кости Рябцева») и нейтральными. Например, Орбакайте, как прозвали девочку Кристину из повести Л.Матвеевой «Жених из 8 «А»» за внешнее сходство с певицей.
3. Характерной черты. Также могут нести как негативный, так и нейтральный характер. Как происходит, к примеру, с «домашними» именами, которые даются в семье. Например, в повести Бруштейн «Дорога уходит в даль» героиня называет своего отца «Карболочкой», а жена ее учителя ласково называет его «Месяц Месяцевич». В повести В.Осеевой «Динка» младшую сестру главной героини называют «Мышкой» за ее тихий характер. А Машу Миронову из повести «Чучело», напротив, прозвали «Железной кнопкой» за твердость и непреклонность. И Лена Бессольцева на протяжении повести неоднократно думает: «Не зря ее прозвали Железной, не зря!». Главного героя повести «Страдания юного хакера» называют «Билл Гейтс» за его ум и очень хорошее знание компьютера. Такое прозвище может иметь негативную экспрессивную окраску, а может быть нейтральным, в зависимости от контекста. Одного из воспитанников школы для дефективных ШКИД называют «Мамочка», потому что он часто употребляет это слово.
4. Зоосемантическая метафора. Чаще всего носит оскорбительный смысл. Сарделька, Курица, Жирафа.

Впрочем, иногда прозвище может совершенно не соответствовать характеру персонажа. Тогда оно имеет иронический оттенок. Например, в повести «Жених из 8 «А»» грубую, «ругающуюся как грузчик» девочку Алису называют «Фея».

Но чаще всего прозвища носят или явно негативный или иронический окрас, как «Чучело» или «Заплаточник» (В.Железников «Чучело»). В повести Р.Погодина «Славка» героя в школе дразнят «полоротый лягушонок», а в произведении Н.Огнева «Дневник Кости Рябцева» одну из учениц – Зою Травникову, прозвали Черной Зоей и Фашисткой. Но здесь слово «фашистка»

касается не ее идеологической принадлежности и даже не поведения. Повесть написана в 20ые годы, когда эта идеология только появилась в Италии. Поэтому здесь это всего лишь намек на цвет одежды, который она предпочитает – черный. То же касается и прозвища «Черная Зоя». Насмешки над Зоей привели к тому, что с ней случился обморок. Настоящий или притворный – неизвестно, но главному герою Косте такая чувствительность кажется странной, больше подходящей для «старого», дореволюционного времени и представителей интеллигенции, чем для них, советских людей. «По-моему, все это – интеллигентщина», – пишет он в своем дневнике [Огнев, 36 с] и признается, что его прозвище «Козел», но оно его ничуть не обижает.

В повести В.Железникова «Чучело» прозвища уже являются отрицательным явлением. Более того, один из героев – мальчик по прозвищу Рыжий, смилившийся со своим прозвищем и насмешливым отношением класса, перестал задирать главную героиню Лену Бессольцеву после того, как она назвала его по имени – Толя.

К советской литературе можно отнести и автобиографическую повесть А.Бруштейн «Дорога уходит в даль», хотя она и описывает события с 1893 по 1901 год. Здесь отношение к прозвищам тоже обычно нейтральное. Отец называет главную героиню «Пуговкой» или «Пуговицей», а она его «Карболочкой» (из-за запаха карболки). Андрей-мороженщик дает прозвища почти всем в городе.

«Чуть ли не всех людей в городе Андрей-мороженщик знает и зовет кличками, им самим придуманными, – рассказывает главная героиня. – Меня – «Сашурка-бедокурка». Моего дядю Мишу – «Миша – серые штаны». Дачную соседку нашу, которую Андрей побаивается, он шепотом называет «Тещей», а генеральшу Щиголеву, очень шумную сердитую даму, Андрей тоже шепотом называет «Щи кипят» [Бруштейн, 45 с]. При этом ненавистного городского называют «Кулак». Отчасти из-за фамилии, но больше из-за жестокости.

Интересно прозвище новой служанки в доме бабушки и дедушки главной героини – Дубина. Прилипшее к ней уже настолько, что свое настоящее имя – Бася Хавина, она сама почти забыла. «Сколько я живу – мно–о–ого лет! – все Дубина и Дубина! – рассказывает она. – А я привыкла. От я пошел у полицию..насчет паспорта..Околоточный кричит: «Бася Хавина! Бася Хавина! И где Бася Хавина?». А я сижу, я забыла: Бася Хавина – это же я! Я сидел, думал, околоточный меня позовет: «И где Дубина?». Я привык» [Бруштейн, 259 с]. Однако Саша Яновская отказывается называть добрую женщину таким нелестным прозвищем и заявляет, что будет называть ее только по имени – Бася.

Встречаются в советской литературе и прозвища религиозного происхождения. Так главный герой повести В. Железникова «Путешественник с багажом» прозвал вожатую Нину Семеновну «богиня Саваофа». «Ну, в общем, верующие придумали себе бога Саваофа. Он у них один в трёх лицах: бог–отец, бог–сын и бог – святой дух. А Нина Семёновна тоже одна в трёх лицах: старшая вожатая – раз, учительница – два, главный редактор – три. Ну, я и прозвал её «Богиня Саваофа»», – объясняет он директору. Кстати, саму Нину Семеновну это прозвище оскорбляет. А герой из повести из повести «Жизнь и приключения чудака» имеет прозвище «дьяволенок».

Современная литература относится к прозвищам чаще всего нейтрально. Как в повести «Жених из 8 «А»». Большинство героев спокойно относятся к кличкам, которые получают в коллективе, как Арбуз или Нина Новенькая. Фамилия героя – Адынин. Сам он своего прозвища не стесняется и охотно объясняет, откуда оно взялось. «Адынин – это почти Дынин, а любая дыня и есть арбуз» [Л. Матвеева, 9 с]. Однако в современных детских и подростковых произведениях прозвища чаще всего имеют второстепенные и отрицательные персонажи. Так друга братьев Миши и Максима из повести Марины Елькиной «Тайна за семью печатями» называют «Лунатик», а друга главных героев из повести В.Аверина «В поисках бриллиантовой диадемы»

зовут Пузырь. Отчасти из-за фамилии – Пузыренко, а отчасти из-за полноты и любви к еде. Однако как оскорбление он это опять-таки, не воспринимает.

Прозвища могут давать ученики друг другу или учителям. Но в этом случае, разумеется, используется оно только в общении между учениками. Хотя в повести В. Железникова «Жизнь и приключения чудака» юная героиня назвала завуча «Чайной Розой», не догадываясь, что это не имя, а прозвище. Прозвища учителей чаще всего имеют негативную или пренебрежительную экспрессивную окраску – Пугач (Л. Чарская «Записки институтки»), Курица, Сарделька, Маргошка (завуч Мария Михайловна) (Л.Матвеева «Жених из 8 «А»»), Васса (Е.Пастернак и А.Жвелевский «Время всегда хорошее»), Саблезубая, Горгона Медузовна (А.Егорушкина «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик»), «Мымра» (В. Железников «Чучело 2 или игра мотыльков»). «Дрыгалка» (классная дама Евгения Ивановна), Колода (начальница Александра Яковлевна Колодкина), Ворона (помощница начальницы, Антонина Феликсовна Воронеж), Лапша (учитель литературы Василий Дмитриевич Лапшин), Мопся, Моргушка, получившая свое прозвище из-за привычки часто моргать, Гренадина Петровна, получившая свое прозвище из-за высокого роста (А. Бруштейн «Дорога уходит даль»).

В повести «Республика ШКИД» прозвища также очень широко распространены. Более того, дача клички приравнивается почти к «боевому крещению» ученика или «халдея» – воспитателя. Они могут быть нейтральными, как Викниксор и Эланлюм (Виктор Николаевич Сорин, Элла Андреевна Люмберг). Здесь можно увидеть свойственное началу советской эпохи стремление к сокращению. Однако они могут быть и оскорбительными, как Амебка, «граф Косецкий», «Крокодил», «Богородица» (от фамилии преподавателя Богородицын»), Верблюды и т.д.

Интересна причина, из-за которой могут возникать прозвища в детских произведениях. Чаще всего они возникают стихийно, в результате той или иной особенности героя. Однако в одном произведении – «В поисках

бриллиантовой диадемы» прозвище для отрицательного героя – Никольского, «Борода» было придумано героями искусственно. После кражи диадемы подруга главного героя возмутилась, почему он продолжает называть Никольского, обманом выкравшего ее, по имени–отчеству. Тогда тот предложил называть его «Борода». Что является еще одним доказательством, что прозвище как таковое несколько принижает его носителя, вне зависимости от его значения.

Вот что пишет о прозвищах М. Самарский в повести «Любовь или невыдуманная история»: «Школьные прозвища просто так не прилипают. Назови завтра кого–нибудь ни с того ни с сего, например, «табуреткой», никто и внимания не обратит, а ошибись всего лишь один раз в произношении этого слова, все – ходить тебе «табуреткой» до конца жизни. Так случилось с одной девчонкой. Отвечая на уроке, она ошиблась. Перепутала местами буквы и произнесла роковое «тубаретка». Через месяц в школу пришла ее мамаша и попыталась убедить одноклассников не называть дочь таким обидным словом, но, в конце концов, визит родительницы закончился тем, что девчонку перевели в другую школу». [Самарский, 38 с]. «Светка Луна (ну а какое еще прозвище могло получиться от фамилии Лунько?)» [Самарский, 52 с]. А вот, что написано в той же повести о прозвище ученика Андрея Неверова – Фома: «На новое прозвище он не только не обижался. Оно ему даже понравилось. Раньше как его только не называли – то Неверный, то Неверыч, Однажды, отстаивая свои честь и достоинство, ему даже пришлось подраться с пацаном из параллельного класса, который придумал назвать Андрюху Предателем. Тут, конечно, обзывальщика никто не поддержал, все знали, что Неверов на предательство не способен и что прозвище такое ни к селу ни к городу» [Самарский, 38 с]. Именование «предатель» для современных школьников столь же оскорбительно, как и для школьников советского времени.

Также и в повести Д. Дримова «Путешествие в страну Снов» прозвища имеют только отрицательные герои, даже если их отрицательность

проявляется не сразу. Учитель истории «призрак Коммунизма», ненавистный ученикам, учитель физкультуры «Наш–ответ–Джеки–Чану», Бес, Морда и Прыщ – враги главных героев и впоследствии, как выяснилось, верные помощники злого волшебника Клингзора. Кстати, в школе их называют БМП. Можно предположить, что сокращение их прозвищ, в свою очередь являющихся сокращением фамилий – Обернибесов Эдуард, Нона Мордарь и Прыщев Серафим, отнюдь не случайно и говорит о постепенной потере ими человеческого облика и собственной индивидуальности. И, напротив, один из их друзей в начале произведения имеет прозвище Жирдяй, но, попав в страну Снов, вспоминает свое прошлое имя – Камелот. В разговоре с главными героями он признается, что все это время чувствовал, будто «потерял себя». Потеряв свое подлинное имя. В отличие от Беса, Морды и Прыща он, напротив, проходит путь к возвращению своей подлинной сущности и в одной из последних глав уже называют его настоящее имя – Кощеев Владимир.

Тему прозвищ, как потерю собственного имени и собственной индивидуальности затронули и А.Жвалевский и Е.Пастернак в повести «Время всегда хорошее» одновременно описываются два мира – Россия 2018 года и СССР 1980. В современном мире школьники общаются между собой только по интернету и только по «прозвищам» – никам. Главная героиня Оля в интернете имеет ник «Синичка», и всех своих одноклассников знает только по никам – Ястреб, Большой Обезьян, Птица, Красавица, Сушка, Муреха и т.д. Более того, рассекречивание ников представляется ей настоящей катастрофой. «Ник – это наисекретнейшая информация..Потому что же ты можешь написать, если все знают, что это ты!», – думает она. «И мой ник только самые–самые проверенные знают. Мы с ними дружим. Даже один раз вместе в кафе ходили, когда у меня день рождения был. Я про них все–все знаю. И аську, и мейл». [Жвалевский, Пастернак, 14 с]. И, напротив, в мире 1980 года все ученики обращаются друг к другу по именам. Прозвище есть

только у завуча Тамары Васильевны – Васса. Исключение, когда героиня иногда называет своего друга Женю Архипова «Архипыч».

2.2 Стилистические средства. Тропы.

Одним из главных способов проявления речевой агрессии является лексика с негативной оценкой адресата. Она может выражаться в нелестных для адресата эпитетах, дающих ему определения с негативной эмоциональной окраской. Они могут выражаться одним словом: «дура», «эгоистка», «нищая» или словосочетанием – «глупая девчонка».

Что касается семантики используемых языковых средств, то, нетрудно заметить, что она менялась с течением времени.

В дореволюционной детской литературе стоит выделить Лидию Чарскую.

Произведения Лидии Чарской были подвергнуты критике еще до революции. За излишнюю сентиментальность, однообразие сюжетов и языковые штампы. И действительно – речь персонажей ее произведений далека от настоящей разговорной речи и почти одинакова независимо от социального положения героя, его возраста и среды, в которой он живет. Самые оскорбительные слова – «противный», «несносный», «гадкий», «скверный». Отрицательная героиня повести «Сестра милосердная» – светская дама Нетти, воплощает все пороки – жестокость, эгоизм, гордыню, лживость, духовную пустоту и тщеславие. Однако ее речь немногим отличается от речи воспитанниц института благородных девиц. Сердясь на служанку, она говорит о ней «ничтожная девчонка», «дерзкая грубиянка», «негодная Дашка». А в конфликтах с детьми сестры – Надей и Журой, называет их – «отвратительный ребенок», «дерзкий мальчишка», «дрянная девчонка», «несносные дети» и т.д.

Языковые проявления речевых конфликтов в произведениях Л.Чарской можно разделить на несколько семантических групп.

1. Относящиеся к материальному положению и происхождению героя. «Ты – хохлушка! Ха–ха–ха! Она, mesdames, хохлушка!..Видишь, у тебя и глаза хохлацкие, и волосы..Да ты постой..ты не цыганка ли? Ха–ха–ха! Правда, она цыганка, mesdames?» [Чарская, 16 с]. «финка», «белобрысая шведка», «деревенщина». «Вот еще воображает, финка ты этакая!» [Чарская, 235 с].
2. связанные с внешностью «Толстуха», «дылда», «горбушка» (повесть «Записки маленькой гимназистки»), «горбунья, уродка, калека» (повесть «Волшебная сказка»). К этому же можно отнести дразнилку «синяя говядина», которую используют ученики «реального училища» по отношению к гимназистам за синий цвет их мундиров или «синявки», как называют воспитанницы института благородных девиц своих учительниц [Чарская, 68 с]. И то и другое относится к одежде. В данном случае, к ее цвету.
3. Относящиеся к поведению и поступкам героя, настоящим или приписываемым. «Белоручка», «фискалка», «лгунья», «эгоистка», «бесстыдница».

Именно последняя группа является самой многочисленной в произведениях Чарской. Но и ее можно разделить на несколько групп

1. оценка героя с точки зрения душевных качеств. Например, в повести «Волшебная сказка» часто используются такие слова как «холодная», «черствая», «бессердечная», говорящие об отсутствии в герое чувства сострадания и любви к близким. «Холодная, черствая эгоистка». [Чарская; 331 с].
2. Осуждение поступков, образа жизни героя – «белоручка», «лентяйка», «лежебока», «фискалка».

Многие повести Лидии Чарской можно отнести к жанру «школьной повести». Исследователи одной из главных особенностей этого жанра (особенно в советской литературе) называют то значение, которое герои придают успеваемости. Обычно это принято считать чертой советской

литературы, но проявляется она и в дореволюционных произведениях. Отношение в детском коллективе к тому или иному ученику, его престиж в глазах его ровесников связан с успеваемостью. В повести «Лишний рот» сына священники, Кирилла осуждают за плохую успеваемость, за которую его в конце–концов выгоняют из гимназии. «Лоботряс, оболтус» (его старший брат Митинька), «Вот так гимназист!», «Да он грамоты не нюхал, братцы!» (одноклассники в училище, куда его отправляют после исключения из гимназии) [Чарская, 471 с]. При этом слишком примерное поведение в детском коллективе напротив – осуждается. В повести Л.Чарской «Приютки» именно примерное поведение Дорушки и Сони Кузьменко является предметом насмешек со стороны других воспитанниц. Правда, не столь часто. «Тихоня! Глупая! Примерница!» [Чарская, 174 с]. «Да уж умница–разумница наша Дорушка!» [Чарская, 264 с].

Также в произведениях Лидии Чарской встречается и другая тема, тоже получившая большое развитие в советской детской литературе – тема предательства. Она проявляется и в «институтских» повестях, как «Записки институтки» и «Княжна Джаваха», причем не только в узком смысле – предательство подруги, но и в более широком – как предательство коллектива. В повести «Записки маленькой гимназистки» ученицы гимназии обвиняют Лену в том, что та, якобы, «предала» их, не согласившись «травить» учителя литературы и читать на уроке любые басни, кроме той, что была задана. Злясь на нее, они употребляют слова «изменница», «шпионка», «дрянная» [Чарская; 272 с].

3. связанные с происхождением героя, сословной или социальной принадлежностью.

Нередко в произведениях Чарской героини оценивают друг друга и с точки зрения происхождения. Использоваться они могут в прямом значении – «хохлушка», «финка» и в переносном – «деревенщина», «мещанка». Последнее особенно часто встречается в повести «Волшебная сказка». Так мысленно называет Надя Таирова свою сестру – Шурку, а Софи Голубева –

саму Надю. В словаре С.И. Ожегова дается следующее определение этому понятию:

«Мещанин – 1. В царской России лицо городского сословия, составлявшегося из мелких торговцев и ремесленников. Низших служащих и т.п. 2 перен. Человек с мелкими интересами и узким кругозором». [Ожегов, 343 с]. Голубева, называя Надю Таирову «мещанкой» вкладывает туда то, что считает нераздельно связанным с этим понятием – бедная, лишенная аристократических манер. Также дело обстоит со словом «деревенщина». В словаре Ефремовой дается два толкования этого слова. «Деревенщина – 1. житель деревни (в отличие от горожанина). 2 перен. Простоватый, недалекий человек».

Но в этой же среде присутствуют и эпитеты, связанные с крестьянством. «Деревенщина», «мужичка сиволапая» [Л.Чарская, 153]. «Вот деревня–то! Одни мужики этого не знают!» [Л.Чарская, 354]. Героини здесь – воспитанницы ремесленного приюта, но, тем не менее, они считают себя выше крестьян.

В повести Льва Толстого «Детство» и «Отрочество», в отличие от произведений Чарской, описывается внутренняя жизнь мальчика, но в начале повести его лексика мало чем отличается от речи воспитанниц института благородных девиц. Злясь на своего гувернера – немца Карла Ивановича, он думает о нем: «Противный человек! И халат, и шапочка, и кисточка – какие противные!» [Толстой; 6 с], а о гувернантке сестер – Мими: «Что за несносная особа была эта Мими!» [Толстой; 28 с]. Однако по мере взросления и вместе с переездом в Москву наблюдается стремление мальчиков – Николеньки и его брата Володи, отдалиться от сестер. Это видно и в агрессивной лексике, которая проявляется в их разговорах и в речи друга Николеньки – Сережи. «Настоящая девочка!», «Вот баба, нюня», «плакса» становятся одними из самых оскорбительных слов между ними. И это, как ни странно, оказывает влияние на Николеньку, и он, будучи от природы чувствительным мальчиком, спокойно смотрит на издевательства

Сережи и его друзей над Илинькой Грапом. Николенька влюбляется в Сонечку и обвиняет ее в измене, называя «коварной изменницей» за то, что она стала оказывать явное предпочтение его другу Сереже и даже позволяет ему поцеловать себя.

Также в повести присутствуют и оскорбления, связанные с происхождением. В основном они проявляются после переезда героя к бабушке в Москву. Николенька горячо любит и уважает своего учителя – Карла Ивановича, но в глазах его бабушки он всего лишь «дядька» и «немецкий мужик», потому, в конце концов, та меняет его на щеголя – француза St-Jerome, о котором Николенька вспоминает: «Он был француз, но француз в высшей степени». В данном случае под словом «француз» герой подразумевает лицемерие, неискренность и другие качества, которые он считает не свойственными русским людям.

Разница между ним и Карлом Ивановичем проявляется в том числе и в лексике, которую они себе позволяют, разозлившись на своих воспитанников. Карл Иванович употребляет слова: «кукольная комедия, шалуныя мальшик (мальчик), шампанская мушка», которые по большей части характеризуют их поведение и его отношение к нему, а француз предпочитает слова «негодяй, мерзавец», которые давали общую характеристику этих детей как личностей и, как признавал Николенька, оскорбляли их самолюбие. Как и требования вставать на колени перед учителем и просить прощения. Сам мальчик называет его «тиран, мучитель», а в мысленных диалогах, которые проигрывает в своем воображении: «злодей».

Одновременно с миром дворян в повестях присутствует мир дворовых людей. Между ними тоже возникают речевые конфликты, но речевая агрессия между ними выражается несколько иначе, чем у господ. Так горничная Гаша, разозлившись на дворового человека Василия, называет его «подлый человек, оголтелый», а Машу, которая его любит «дурой» [Толстой; 238 с].

Советская детская литература продолжает традиции дореволюционных детских писателей, в том числе и в выборе языковых средств, которые используют персонажи в ссорах между собой. Получила развитие агрессивная лексика, основанная на противостоянии «свой–чужой». Противостояние это присутствует в значении «советский–несоветский» и «старый–новый». Все «старое» – относящееся к «старому миру», дореволюционной России, имеет однозначно негативную экспрессивную окраску. «Старорежимная графиня» (пионеры о старухе из повести Рыбника «Бронзовая птица»). «Проклятое прошлое». «Сплетни есть пережиток старого строя и проклятого прошлого. Они обозначают совершенно мещанский подход к делу» [Н.Огнев, 213 с]. Герой–ребенок в детской литературе советского периода меняется, как меняется и круг его интересов. Если мир ребенка у Толстого или Чарской был отделен от политической жизни общества (за исключением повести Чарской «Записки институтки», где описывается визит Николая Второго и его жены в институт благородных девиц), то дети в советских произведениях живут в другой реальности. В советской литературе появляется новая группа языковых средств выражения речевой агрессии – политическая. Составляют ее новые слова вроде «контра» (контрреволюционер), буржуй, и старые, получившие отрицательную окраску. «Аристократки, верующие, белая кость, голубая кровь» [М.Рощин, 130 с] «Капиталист» [С.Черных, Л.Пантелеев, 368 с] «проклятые буржуины» [А.Гайдар, 134 с]. Однако стоит отметить, что эти оскорбления относятся не только и не столько к происхождению героя и его социальному положению, сколько к поведению. Люди, которые ведут себя «не по–советски», недостойно советского человека. Так в рассказе А.Гайдара «Голубая чашка» происходит конфликт между мальчиком Санькой и еврейской девочкой Бертой, сбежавшей вместе с отцом из Германии, в ходе которого мальчик говорит ей: «Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!». Из–за этого мальчик на какое–то время становится изгоем, его называют «фашист» и «белогвардеец». «Ну, погоди, проклятый Санька,

это тебе не Германия. С твоим фашизмом мы и сами справимся!», – думает о нем его друг Пашка [Гайдар; 191 с], перенося, таким образом, свою ненависть к фашистам (хотя, что интересно, этот рассказ написан в 1936 году, то есть еще до войны) на Саньку, который в какой-то момент повел себя так же, как и они. Также отрицательную окраску получил образ аристократа. «Тоже мне, столбовые дворяне!», – говорит товарищ дедушки Лены Бессольцевой о своем друге, удивляясь его гордости, которая кажется ему совершенно непонятной. [Железников, 300 с]. А маленькая Светлана из повести «Голубая чашка» неодобрительно думает о знакомом мальчике: «ходит, как барин» [Гайдар, 23 с]. Под этим может подразумеваться и классовая принадлежность человека, и его поведение и образ мыслей.

Например, в повести Н.Огнева «Дневник Кости Рябцева» главный герой описывает ситуацию с опросом, который устроила их школьная газета на тему смысла жизни. И среди прочих ответов выписал те, в которых написано, что смысл жизни – в удовлетворении потребностей, в наслаждениях или в том, чтобы прожить ее спокойно, «только с маленькими волнениями». Костю подобный образ мысли возмущает. Он называет авторов этих ответов «несознательными» и «буржуями». «Откуда у нас в школе столько буржуев?», – размышляет он [Огнев, 103 с].

Интересно обвинение, которое высказывает ему его лучший друг Сильфида Дубинина (Сильва): «Теперь я вижу, что ты просто притворялся и что настоящая твоя идеология далеко не соответствует комсомолу» [Огнев, 140 с]. В данном случае слово «идеология» означает «образ мыслей». Она считает, что образ мыслей ее друга не соответствует тому, который необходим для человека, собирающегося вступить в комсомол. Героя это обвинение крайне оскорбляет. Сама же Сильва в своем дневнике пишет о двух сторонах своей натуры, одну из которых называет «Дунькой» (кстати, своим настоящим именем, которое у нее было еще до того, как она стала называть себя Сильвой) и пишет о ней: «Дунька – дрянь паршивая, невыдержанная идеологически девчонка» [Огнев, 224 с]. Имя Дуня – ее

«старое» имя, что лишь подчеркивает крайнее неприятие героями советских произведений всего «старого».

Также в советской литературе отрицательную окраску получило слово «интеллигент» и однокоренные ему слова. В той же в повести «Дневник Кости Рябцева» герой часто использует слово «интеллигентщина». К этому герой относит все, что связано с сентиментальностью и чувствительностью. «Это интеллигентщина», – говорит он по поводу ситуации с обмороком своей одноклассницы Зои, прозванной «Черной Зоей» и «Фашисткой». А когда другая его одноклассница, Сильва, призналась, что в свое время хотела покончить с собой, он говорит ей: «Самоубиваться – это интеллигентщина» [Огнев, 63 с].

Также в школьной повести (и не только советской) присутствует и другое противостояние: «Ученики–учителя» или «дети–взрослые». Травля Лены Бессольцевой из повести «Чучело» связана с обвинением, что она предала одноклассников, сообщив учительнице, что они ушли с урока. «Предательница, подлиза, подпевала», – такие оскорбления используют в адрес Лены Бессольцевой и Димы Сомова. То же самое присутствует и в повести Л.Киршнера «Большая перемена». Новенький Олег Ершов называет свою одноклассницу Ларису Кан «двурушницей».

«Двурушник (презр) – тот, кто под личиной преданности кому-чему-нибудь действует в пользу враждебной стороны» [С..И. Ожегов, 2011 г, 151 с].

В этом же ключе развивается и тема предательства, как предательство своего коллектива. Но в советской детской литературе эта тема присутствует и в другом смысле – личном, как предательство друга или близкого человека. Например, в повести А.Алексина «А тем временем где-то..» главный герой – Сергей Емельянов обвиняет в предательстве приемного сына медсестры Нины Георгиевны – Шурика. «Ваш Шурик – предатель!» [Алексин; 81 с], – заявляет он ей, рассказывая, что Шурик в школе подсказал одноклассникам, как обманом добиваться у нее разрешения уйти с занятий. В предательстве обвиняет своего друга главный герой Збандуто из повести В.Железникова

«Жизнь и приключения чудака». Ситуации, дающие повод для обвинения в предательстве в советских детских произведениях чаще всего незначительны. Как ситуация, описанная в повести В. Железникова «Чучело» или в повести Каришнев–Лубоцкого «Приключения маленькой волшебницы». В последней героиня – Маришка называет своего одноклассника «предателем» и «подлым перебежчиком» за то, что он решил выступать в театральном конкурсе не за свою родную школу.

Что касается оскорблений, связанных с национальностью, то авторы произведений неоднократно подчеркивают, что их использование в советской стране недопустимо. В другом рассказе А.Гайдара «Военная тайна» мальчик Владик ссорится со своим другом Иоской (сокращение от еврейского имени Иосиф). Его случайный знакомый принимает сторону Владика: «Такая уж ихняя порода..Мальчишка-то прибежал – жид? Значит, и порода такая!» [А. Гайдар, 161 с]. Однако для Владика само такое «заступничество» кажется оскорбительным. «Вот оно что! Вот кто за тебя!», – думает он и, даже забыв о ссоре с Иоской, бросается в драку. «Иоська свой..пионер..товарищ» [Гайдара, 161 с]. В данном случае этот случайный знакомый кажется ему едва ли не «врагом».

Отношение советских писателей к вопросам национальности можно понять из диалога пионервожатой Натки и мальчика Альки, попавшего на ее попечение. «У меня мать румынка, а отец русский. А кто я?» «Ты советский». [Гайдар, 112 с].

К советской литературе можно отнести и повесть А. Бруштейн «Дорога уходит в даль». Однако здесь изображается мир дореволюционной России, который автор так или иначе противопоставляет современной читателям советской действительности (роман написан в 1958-1959 годах). Место действия, скорее всего, город Вильно, где живут и русские, и евреи, и поляки. И речевые конфликты на национальной почве здесь так или иначе случаются. Неоднократно используется слово «жид» – еврей, «немкиня», как презрительно называет служанка Яновских Юзефа гувернантку Шуры.

Новая эпоха предъявляла новые требования к детской литературе, как средству формирования «нового» советского человека. Поэтому часто используются средства выражения речевой агрессии, осуждающие те или иные черты характера.

1. Лень. «Тунеядцы», «бездельники», «лодырь».
2. Склонность к пустой болтовне. «Балаболки», «Трепло» [Киршнер, 141 с].
3. слабый, безвольный характер. «Все-таки ты малодушный человек», «Эх ты, хлюпик!», «Манная ты каша с киселем». [В.Железников, 287 с]. За это же – за бесхарактерность, осуждает отец своего сына в повести Р.Погодина «Ожидание»: «Ты как яичница всмятку. Не знаю, с чем к тебе подступиться: то ли с ложкой, то ли с вилкой, то ли пить через край...». А его друг Варька думает о нем: «Изменник ты, Славка. Телячья душа. Слабый ты и пустой, как та камышинка, как та солома».
4. Неколлективность. «Эгоист», «индивидуалист».
5. Жадность. «Жмоты несчастные» [В.Железников, 222 с], «жадина».

Оскорбления, связанные с бессердечием, столь часто присутствовавшие у Чарской, в советской литературе почти не встречаются. В отдельных случаях даже напротив – осуждается излишняя чувствительность, которая приравнивается к слабости. Однако многие авторы также стремились показать, что в отдельных случаях то, что считается твердостью и силой характера, может стать жестокостью. Что мы видим в вышеупомянутой повести «А тем временем где-то». Приемный сын Нины Георгиевны Шурик говорит о ней: «Она странный человек. Не от мира сего, то есть не от того, в котором мы с тобой проживаем. Добрая очень..» [Алексин; 74 с]. «Добрая» в его глазах – недостаток, равный бесхарактерности. Можно предположить, что образ Шурика, как и отца главного героя – Сергея Емельянова–старшего призваны показать обратную сторону характера «советского» человека.

Но кроме оскорблений такого рода в советской детской литературе присутствуют и другие, в том числе зависящие от среды, которую описывает

автор. В повести Г.Белых и Л.Пантелеева «Республика ШКИД» действие происходит в школе для «дефективных». Герои здесь – беспризорные дети, воришки. И, естественно, их речь отличается от речи, к примеру, персонажей Гайдара. В их лексиконе присутствуют разговорные слова вроде «сволочи» и «черти». Однако оскорбительный смысл они имеют далеко не всегда. Например, Цыган, попав в ШКИДУ, говорит своим будущим товарищам: «Здорово, сволочи!», а другой, по прозвищу «Янкель» в разговоре употребляет слово «черти», однако назвать это проявлением речевой агрессии трудно. Для сравнения – в ссоре с воспитанником по кличке Воробей Янкель употребляет словосочетание «сволочь коротконогая».

Агрессивная лексика здесь присутствует даже в речи преподавателей, в том числе заведующего школой Виктора Николаевича, прозванного Викниксором. «Мерзавец! Выродок! Дегенерат! Скотина! Каналья!» [Белых, Пантелеев, 157 с].

Однако и оскорбления, связанные с внешностью, тоже никуда не исчезли. Так Лену Бессольцеву дразнят «Чучелом» еще задолго до истории с ее мнимым предательством. А ее дедушку называют «Заплаточником» из-за того, что он ходит в одном и том же старом пальто, невзирая на заплатки. Да и сама Лена Бессольцева, попав в их коллектив, стала скептически оценивать свою внешность, в том числе одежду, которую она называет «маскировочный халат», в то время как у ее одноклассницы Шмаковой «платье по фигуре». Предметом оскорбления может стать какая-то особенность внешности, как, например, полнота. «Толстуха» (В.Железников «Жизнь и приключения чудака»), большой рот, как в детской дразнилке «Рот до ушей, хоть завязочки пришей» (В.Железников «Чучело»), высокий рост «верзила» (там же) или напротив, маленький – «пигалица». Или давать оценку одежде героя. Например, в повести Л.Киришнера «Большая перемена» герой замечает по поводу своей одноклассницы и ее нового платья: «Пугало огородное и то краше бывает» [Л.Киришнер, 133 с]. А в повести Н.Огнева «Дневник Кости Рябцева» одну из героинь – Зою Травникову прозвали «Фашисткой» за

черный цвет одежды. Также оскорбления подобного рода могут давать оценку внешности в целом: «страшила» [Железников, 260 с] или «уродина».

Что интересно, несмотря на большое значение, которое в советских детских книгах придается успеваемости, очень хорошая успеваемость и сверхпримерное поведение может, как и в произведениях Чарской, негативно восприниматься коллективом. В повести Л. Киршнера «Большая перемена» описывается жизнь образцового класса 9 «г», учеников которого другие классы называют «гогочками». Согласно «Словарю русского арго»: «гогочка – маменькин сынок». Причем, судя по всему, в речь персонажей Киршнера оно попало из речи беспризорников. Или «зубрилы! Отличники!», как с возмущением говорит о них новенький Олег Ершов [Л.Киршнер, 52 с]. «Образцово-показательные», «кролики подопытные» [Л.Киршнер, 76 с], как называют их другие классы в связи с тем, что именно 9 «г» поручили побеседовать с корреспонденткой, которая должна прийти в их школу.

Продолжают существовать в советской литературе и оскорбления с использованием образов мифологических персонажей. Так в повести В.Железникова «Чучело» дед главной героини называет себя «старый леший» [Железников, 231 с]. «Анчутки беспятые» [Огнев, 68 с]. В интернете дается следующее определение этого понятия:

«Анчутка – в восточнославянской мифологии злой дух, одно из русских названий чертенят, по всей видимости, происходящее от балтийского названия утки. Анчутка связан с водой и вместе с тем летает; иногда А. называют водяным, болотным. Обычные его эпитеты – «беспятый» («беспятая»), «роговой», «беспалый»».

В современной детской и подростковой литературе речевой конфликт и речевая агрессия не только не исчезли, но и стали проявляться сильнее, чем в предыдущих периодах. Особенно это касается литературы 90-ых годов. Социальная напряженность и агрессия, проявлявшаяся в обществе, отразилась и на языке персонажей подростковой литературы. Он приблизился к живой разговорной речи. В произведениях для подростков

активно используются разговорные, просторечные слова и жаргонизмы. Некоторые существовали прежде, но появились и новые. Например, в повести «Жених из 8 «А»» встречаются такие слова как «сакс», «лох», «отморозок», «отстой».

Также средствами выражения негативной оценки адресата в современных детских произведениях могут быть метафоры и сравнения.

А) сравнения с животными (присутствующие и в прежних периодах). Баран, обезьяна, килька, свинья, гадюка, жаба, индюк и т.д.

Б) с мифологическими существами. В повести Э.Веркина «Друг-апрель» герой - подросток Аксен называет мать, дядю и брата Чугуна «упыри», тем самым уподобляя их им в бездуховности и жестокости [Веркин; 196 с]. В повести Михаила Рощина «Роковая ошибка» приемная мать главной героини называет ее «черт ядовитый», а ее родную мать – «ведьма летучая» [Рощин; 14 с]. А в повести А.Егорушкиной «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик» главная героиня мысленно называет свою учительницу Гертруду Генриховну «Горгона Медузовна» и «Жаба Горгона».

В) с литературными и мультипликационными персонажами. В той же повести «Друг-апрель» Чугун говорит о своих родных: «Во семейка, во симпони», сравнивая их с героями известного американского мультсериала «Симпсоны» [Э. Веркин, 155 с]. Своего младшего брата он презрительно называет «Ромео», намекая на его несчастную любовь к соседской девочке Ульяне. А в повести В. Ледерман «Календарь мая» некоторые герои называют своего одноклассника Юрасика «Винни Пухом» за полноту.

Одним из самых часто встречающихся оскорбительных выражений в современной детской литературе это слово «лох». В словаре это слово объясняется как «жаргонное выражение, обозначающее простака, позволяющего себя обманывать, потенциальную жертву мошенника; «Лицо обманутое хулиганами»». Таким образом, предметом оскорблений становится не тот, кто обманывает, а тот, КОГО обманули. Кто оказался слишком доверчивым, недостаточно проницательным. К этому можно

отнести и слова вроде «тормоз» – недостаточно сообразительный человек. Или слово «отстой». В «Словаре молодежного слэнга» даются такие определения данному понятию: «плохой, некачественный» и «устаревший, несовременный, вышедший из моды». То есть «отстающий». В повести «Тайны королевы роллеров» встречаются такие слова как «балда» и «чайник». Второе в данном случае используется в переносном значении. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой это слово объясняется как: «о неумелом, малоопытном человеке, плохо знающем свое дело, а также вообще о глупом, неумном человеке».

Нетрудно заметить, что языковые средства со значением ограниченных умственных способностей персонажа в современной литературе являются самыми многочисленными. При этом в отличие от советской литературы в современных детских произведениях хорошая успеваемость не только не определяет престиж ученика в глазах сверстников, но и является отрицательной характеристикой. В речи персонажей неоднократно встречаются такие слова как «зубрила» и «ботаник». Быть «ботаником» – значит, быть «не крутым». Однако умственные способности как таковые по-прежнему являются одним из главных в оценке персонажами друг друга, и очень часто речевая агрессия выливается именно в намеки об отсутствии у адресата оскорбления этих способностей. В той же повести «Жених из 8 «А»» один из главных героев – Дима Маскин с презрением называет своего знакомого Виктора Смирного, исключенного из школы «умственно отсталый амбал, тупой второгодник» [Л. Матвеева; 61 с]. А в повести Владислава Романова «Страдания юного хакера» между персонажами используются такие языковые средства как «даун», «придурок», «болван, пустоголовый осел» (как ни странно, последнее главный герой адресует себе). «В его строках читается: семь классов» [В. Романов, 10 с]. «единственная извилина от фуражки» [Дримов; 131 с]. А в повести А.Егорушкиной «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик» главная героиня думает о своем

однокласснике Горшкове: «Горшков же дубина стоеросовая..редкостный дурак» [Егорушкина, 37 с].

Гораздо реже в современной литературе можно встретить оскорбления, связанные с национальностью. В повести Дмитрия Дримова «Путешествие в страну снов» один из героев – Эдик с презрением говорит о своем однокласснике Али: «Понаехали..Уроды черномазые» [Дримов, 18 с], а повести «Страдания юного хакера» подруга Шуры после ее победы в компьютерном конкурсе говорит ей: «Ты молодец, что сделала этих кавказцев», подразумевая директора школы, где учился главный соперник Шуры – Алексей, Руслана Казбековича. А оскорбления, связанные со здоровьем в рассмотренных нами произведениях встречаются только один раз – в той же повести «Страдания юного хакера», где одна из девочек заявляет Шуре: «Инвалидка, не лезь к нашим мальчикам» [Романов; 88 с]. Исключение – намеки на проблемы с умственным здоровьем, которые встречаются довольно часто. «Даун», «Ты с ума сошел?», «У тебя что, крыша поехала?». «Что ты делаешь?! Елизаров, ты ненормальный?!». [Ледерман, 12]

Такого рода оскорбления присутствуют и в предыдущих периодах. Например, в повести В.Железникова «Чучело» один из учеников – Васильев говорит о Железной Кнопке: «Миронова чокнулась», а одноклассники о Лене Бессольцевой: «Ты что, очумела?», «Она тронулась», «Вот чумовая!». А в повести «Жизнь и приключения чудака» главного героя неоднократно называют «ненормальным». Однако даже оскорбления подобного рода тоже дают оценку поведению и поступкам героя, которые, по мнению адресанта, похожи на поступки и поведение человека неадекватного.

Современная подростковая литература часто посвящена теме любовных отношений между юными героями, поэтому среди агрессивной лексики часто встречаются слова со значением осуждения поведения героя в личной жизни. О мужчинах и молодых людях – «кобели», о девушках – «шалава», «дешевка». Сюда же можно отнести тему предательства, которая в современной литературе приобрела частный оттенок – измена своему

возлюбленному или возлюбленной. В повести Веры Ивановой «Тайны королевы роллеров» героиня Аня подозревает своего молодого человека Стаса в измене и с возмущением называет его «предателем».

Однако не стоит думать, что тема предательства в современной литературе сводится только к предательству возлюбленного или возлюбленной. Более широкий смысл встречается чаще всего в произведениях фэнтези, посвященных борьбе Добра и Зла. Как, например, в повести А. Жвалевского и Е.Пастернак «Гимназия № 13», где описывается борьба «белого» бога Перуна и «черной» Паляндры (впрочем, их принадлежность Добру и Злу весьма условна). А именно, «предательницей» называет Перун девочку Лелю за ее отказ участвовать в битве «добра и зла» против своего друга Антона Волкова [Жвалевский, Пастернак, 250 с].

Так или иначе, но приоритет семантики агрессивной лексики по-прежнему остается за оценкой внутренних качеств, образа жизни и манеры поведения героя. «Предатель», «трус», «идиот». В повести «Тайны королевы роллеров» происходит конфликт между двумя детьми - Олей и Андрюшкой, когда Оля называет его «жадиной», а он ее (мысленно, правда) «бестолковой» и «непробиваемой, приставучей попрошайкой» [В.Иванова, 189 с].

Лексика, которую используют персонажи детских произведений, зависит в том числе и от среды, которую изображает автор. В повести Юрия Короткова «Танцующие призраки» действие развивается в балетной школе, где внешность играет большую роль. Отсюда и выбор агрессивной лексики - «кобыла кривоногая», «корова» и «бомбовоз». Причем, оскорбление «корова» здесь используют не только ученицы в ссорах между собой, но и учителя по отношению к ним. В особенности это касается преподавательницы Натальи Сергеевны. Однако кроме них присутствуют и другие слова, обусловленные спецификой их сферы деятельности. Одним из самых обидных слов после «коровы» для юных балерин является «корда». Главная героиня - Юля замечает своему молодому человеку, что ее

одноклассница Лена Ильинская - «глухая корда». «Корда» - кордабалет. То есть она не настолько талантлива, чтобы быть «примой» и исполнять главные партии. А балетмейстер, недовольный своими ученицами, заявляет: «Это не балет! Это..художественная гимнастика» [Ю.Коротков 105 с]. Само по себе словосочетание «художественная гимнастика» не несет в себе оскорбительного смысла, но если рассматривать его в контексте всего диалога, то становится понятным, что балетмейстер имел в виду. Чуть позже он напоминает им, что «балет - это еще и душа». Таким образом, можно предположить, что для него «художественная гимнастика» - это только техника, лишенная души. А в сказке А.Егорушкиной «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик» учительница музыки говорит главной героине Лизе: «Вы хоть сами-то понимаете, что играете? Это же Мендельсон, а не «Чижик-Пыжик»..Звук у вас отвратительный. Словно кошке хвост дерете» [А.Егорушкина, 11 с].

Оскорбления, связанные с внешностью, в современной литературе тоже используются, однако больше затрагивают одежду. «А то ходите как дворничихи или сторожихи», - презрительно говорит своим одноклассникам Юля [Л.Матвеева, 108 с]. Однако есть и другие - «толстопуз», «дылда», «Винни пух». Иногда оскорбления могут давать оценку и внешности героя в целом. «Подобных уродин я давно не видывал!» [Д.Дримов, 299 с] говорит один из главных героев, Федор своему врагу Эдику Обернибесову по прозвищу «Бес» в повести Д. Дримова «Путешествие в страну Снов». Однако здесь все-таки имеется в виду в большей степени его моральный облик, чем внешний. «Урод моральный», - говорит он о другом герое, Азизе [Д.Дримов, 407 с]. Впрочем, можно найти и примеры других оскорблений. «Коротышка, рыжая курица» [Егорушкина, 11-12 с], «фитюлька» [Егорушкина, 65 с], «замарашка» [Егорушкина, 101 с].

Ирония

Однако средством выражения речевой агрессии могут быть не только слова с заведомо негативной окраской, но и нейтральные слова и даже имена

собственные. В таком случае они используются в переносном значении и имеют иронический оттенок. Например, имя «Ромео», как с презрением называет Аксена его брат Чугун из повести «Друг-апрель». Чаще всего ирония строится на несоответствии героя той роли, которую он пытается играть. Так в повести Л.Чарской «Волшебная сказка» отец говорит Наде: «Принцесса какая, скажите, выискалась!» [Чарская; 255 с]. А чуть позже приживалки богатой дамы Анны Ивановны Поярцевой, льстиво называвшие Надю, ее воспитанницу, «королевна наша», после того, как она теряет расположение их общей «благодетельницы» ядовито замечают: «Дождались, королевна, ваше величество» [Чарская; 386 с]. В этих словах есть желание задеть девочку, вообразившую себя принцессой и полной хозяйкой в богатом доме Поярцевой и намек, что она сама не соответствует взятой на себя роли. Согласно словарю Ушакова «королевна» - дочь короля (обычно в сказках), принцесса. Надя мечтала быть «принцессой» и жить «жизнью-сказкой», однако сама не соответствовала этой роли по своему внутреннему содержанию. Живя у Поярцевой, она была избалованной принцессой, но дорости до королевы не смогла. А в повести «Приютки» одна из воспитанниц говорит другой: «Эвона, командирша-то!». «Уж эта умница-разумница наша Дорушка, скажет тоже! Все у нее вруньи, одна только святоша!» [Л.Чарская, 264 с]. Часто признаком иронии, особенно в произведениях, где описываются конфликты среди девочек, используются уменьшительно-ласкательные формы имен. «Ниночка Джаваха изволит изображать покровительницу новенькой!» [Чарская, 16 с].

Ирония чаще всего выражает отношение адресанта к тому, что говорит или делает адресат. Например, недоверие, как в повести А.Бруштейн «Дорога уходит в даль», в диалоге между главной героиней Сашей Яновской и матерью ее новой подруги, Юльки. Мать Юльки не верит, что Саша снова придет навестить ее больную дочь, поэтому на все ее обещания отвечает весьма язвительно. «Ах, она будет приходить? В гости? Ах, она еще и картинки принесет?» [А. Бруштейн, 63 с]. Или возмущение, как в диалоге

Шуры с отцом, когда тот посылает ее играть в игрушки. Та отвечает насмешливо: «К игрушкам? Сейчас, пойду, отниму у Сенечки погремушку и буду ею трещать! Или еще попрошу, чтобы меня положили, как Сенечку, в корыто! «Купатеньки! Купатеньки!» [А. Бруштейн, 303 с]. Или насмешку, желание высмеять, обидеть адресата. «Да, да. Поплачьте в платочек, это вам будет полезно!» [А. Бруштейн, 220 с].

Встречается ирония и в советской литературе. Например, в повести В.Железникова «Чучело», когда один из учеников по прозвищу Рыжий признается, что его ждали в Москве, Валька издевательски отвечает: «Его ждали в Москве! Какой принц! Ему там встречу готовили с флагами и разноцветными шариками и обедом из трех блюд!» [В.Железников, 262 с]. Или по отношению к Диме Сомову: «Лыцарь», «Львиное сердце!» [Железников, 198 с]. «Димочка хочет главным быть! Начальник!» [Железников, 207]. «Ребята, а наш храбрый Димочка испугался! Вот номер!» [В. Железников, 224 с] Ошибка в слове «рыцарь» и уменьшительно-ласкательное «Димочка» здесь не случайно и используется для усиления иронического оттенка. А сам Дима Сомов говорит своим одноклассникам: «Герои! Спрятались за девчонку!», когда те в драке спрятались за спину Железной Кнопки. А дедушка Лены говорит о нем: «Какой тихий..Тишайший мальчик! Паинька! Да за ним нужен глаз да глаз. А то он, того и гляди, горло перережет» [В. Железников, 249 с]. Осмелевшая Лена Бессольцева открыто обвиняет своего одноклассника Вальку в том, что он «живодер» (обвинение, которое до этого так и не решается бросить в его адрес Дима Сомов). «А что, разве ты, мордастенный, перестал с бедных собачек сдирать шкуры?», - спрашивает она [В.Железников, 311 с].

Или, например, когда героиня повести «Большая перемена» Лариса Кан говорит своему однокласснику, что он должен признаться учительнице, что он не сделал домашнее задание, тот отвечает: «Как же, разбегусь, дай только разуться» [Л.Киришнер, 16 с]. Интересен конфликт Кости и Зои Травниковой в повести Н.Огнева «Дневник Кости Рябцева». «Когда ты, Травникова,

перестанешь вносить в школу разложение? Влюблена, разлюбила, втюрилась, втрескалась, ах, мои чувства, ах, я пылаю, ах, я умираю!..Что ты, черт тебя побери совсем!..все-таки раскинь остатками мозгов и пойми, что у нас революция и всю эту пыль нужно сдать в архив!» [Н. Огнев, 285 с]. Она же обвиняет его в том, что его пионеры побили сына колбасника, Мишу Григорьева, добавляя: «А особенно по-рыцарски, что напали вдесятером на одного. Красиво, нечего сказать» [Н. Огнев, 287 с]. А в современной повести Юрия Сотника «Ясновидящая или эта ужасная улица», мать сердится на дочь за то, что та любит фантазировать. Та, однако, заявляет, что из таких, как она, иногда получаются талантливые люди - писатели и поэты. Подобное оправдание, выводит мать из себя, и та насмешливо называет ее «Белла Ахмадулина» [Ю.Сотник, 7 с]. А в повести Виктории Ледерман «Календарь майя» один из героев - Глеб, ядовито спрашивает своего одноклассника: «А ты без нее (без бабушки) дорогу найдешь? Адрес-то помнишь?» [В.Ледерман, 56 с], издеваясь над тем, что Юрасика всегда провожает в школу и встречает бабушка.

Проявлением иронии можно назвать и такое явление, как языковая игра, переделку имен и фамилий персонажа (чаще всего воспринимаемая адресатом очень болезненно). Она может проявляться как отражение отношения к носителю фамилии. Так, когда Тамара Хованская из повести «Дорога уходит в даль» стала хвастаться тем, что в Петербурге была знакома с некой «баронессой Вревской», ее одноклассница заметила Шуре Яновской: «Эта твоя Тамарка сама Вревская! Самая настоящая Вревская! Все она врет!» [А. Бруштейн, 326 с]. «А Тамарка эта..Княжна Хованская! Княжна Болванская!» [Там же, 331 с]. Или же просто реакцией остальных персонажей на странную, необычную фамилию новой знакомой. Как в повести Л.Чарской «Княжна Джаваха», где воспитанниц института благородных девиц поначалу смешит грузинская фамилия их новой одноклассницы, княжны Нины Джаваха оглы Джамата. «Джамата-татата! Вот так фамилия!» [Л.Чарская, 168 с].

Крайней степенью иронии является сарказм. Интересен внутренний диалог Пети Брыклина в сказке Каришнев-Лубоцкого «Приключения маленькой волшебницы». Он оказывается перед выбором - выступать в театральном конкурсе за свою школу или за ту, где работала его бывшая воспитательница, но где за участие обещают призы, в частности плеер. И вот какие мысли посещают его: «Купят тебе плеер, держи карман шире!..У мамы сапог зимних нет, у папы шапка старая..А ты - плеер!» [Каришнев-Лубоцкого, 38 с], «Спи, спи, Петечка! А плеера тебе не видать! Светлана Николаевна на тебя надеется, а ты ей неблагодарностью ответишь? Молодец, хороший воспитанник!» [Каришнев-Лубоцкий, 40 с].

Фразеологизмы

В качестве средств выражения речевой агрессии могут быть использованы и фразеологизмы - пословицы и поговорки. Они могут давать оценку герою, его словам и поведению. «Залетела ворона в высокие хоромы!» (одноклассница Нади Таировой - Софи Голубева по поводу появления той в высшем обществе). [Л.Чарская,], «ни рыба ни мясо» [А.Егорушкина, 325 с], «Чья бы корова мычала, а твоя молчала» [Л.Киршнер, 121 с], «Типун тебе на язык!» [В.Тендряков, 6 с] Или выражать насмешку. «Держи карман шире!». [Каришнев-Лубоцкий, 38 с]. «Раньше-позже, мыло-дрожжи, дрожжи-мыло, а не хочешь ли в рыло?» [Н.Огнев, 284 с]. «Скатертью дорожка!» (Саша Яновская о Тамаре Хованской) [А. Бруштейн, 333 с].

В повести Л. Киршнера «Большая перемена» встречаются такие поговорки как «вола вертеть» и «ваньку валять». Т.е. - бездельничать. «Целых полгода вола вертел, уроки мотал, а теперь ищешь виноватых» [Киршнер, 168 с]. «Какого же ты черта ваньку валяешь!» [Киршнер, 182 с]. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.В.Жукова и М.Е.Жуковой дается такое определение этих фразеологизмов:

«Валять дурака (ваньку). Разг. Неодобрит. Употребляется при подлежащем со значением лица. 1. Ничего не делать, бездельничать. Ср: бить баклуши, лежать на печи..» [А.В. Жуков, 57 с].

Также фразеологизмы могут выражать отношение адресанта к герою. «Век бы мои глаза не смотрели на этих бездельников» [Киршнер, 156 с]. «Я плевать на него хотел с шестнадцатого этажа» [Огнев, 15 с].

В советской литературе продолжают использоваться и фразеологизмы библейского происхождения. «Брось, Степка, перед ними бисер метать», - говорит новенький Ершов своему однокласснику, который безуспешно пытается помочь двум своим одноклассницам с геометрией. [Л.Киршнер, 14 с]. Выражение «метать бисер перед свиньями» означает не тратить время и не стараться объяснить что-то тем, кто не хочет понять.

Оскорбительными могут быть и фразеологизмы нейтральные по смыслу, но приобретающие оскорбительный смысл в контексте. Так в повести Л.Матвеевой «Жених из 8 «А»» герои - Дима и Юля открывают детективное агентство «Не пойман - не вор», а одноклассники, желая их поддеть, намеренно меняют названия, используя другие пословицы и поговорки. Например, «на воре шапка горит». Иногда фразеологизм в контексте может выступать даже как угроза, как в повести Н.Огнева «Дневник Кости Рябцева», когда главный герой замечает своему врагу Володьке Шмерцу: «За битого двух небитых дают» [Н.Огнев, 192 с]. Притом, что драки между ними еще не было. Или в повести А.Бруштейн «Дорога уходит в даль». Главная героиня - Саша Яновская, возвращается с отцом из дома своих подруг - Риты и Зои Шабановых и рассказывает, как их мать привела на обед детей рабочих. Но только для того, чтобы заставить своих дочерей «лучше есть». А девочки отдали им и свои порции. Кучер - Ян Молчаливый, по этому поводу замечает: «Играются панские дети..Играл волк с кобылой, одни копыта от ней остались» [А.Бруштейн, 38 с], выражая таким образом свое недоверие к такой «благотворительности» и беспокойство за детей рабочих. Что будет с ними, если мать Риты и Зои узнает, что «ейных детей нищие объели»

[А.Бруштейн, 38 с]. А Азриэл Шнир, печатник говорит о борьбе Испании и США за Кубу: «Вор у вора дубинку украл. Нехай они этой дубинкой друг другу башку продолбают!» [А. Бруштейн, 422 с].

Что интересно, фразеологизмы в тексте могут встречаться не обязательно без изменений. Это можно увидеть в диалоге Кости и Сережи Блинова в повести «Дневник Кости Рябцева»: «- Ты что же - двуглавый орел, что ли?» «- Во всяком случае, не одноглавая змея, согретая на моей груди» [Н.Огнев, 195 с]. Иногда устойчивые сочетания могут перефразироваться, исходя из реалий того мира, который описывает автор (особенно если речь идет о фэнтези). Так в повести «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик» происходит диалог волшебника Филина и Левушки. Левушка, иронизируя, называет себя: «Адъютант Его Превосходительства», подразумевая Филина. Того это задевает, и он отвечает: «лысый тролль тебе превосходительство!» [А.Егорушкина, 428 с].

«Реакции отвержения»

Кроме агрессивных определений средством выражения речевой агрессии могут быть и глаголы отвержения: «Пошел вон! Замолчи! уйди с дороги! Прочь! Захлопни варежку!». Американский психолог А.Басс назвал их «реакции отвержения». Они по большей части остаются неизменными в детской и подростковой литературе как дореволюционного, так и советского или современного периода. «Убирайся ты от меня», «Убирайся вон! Сию же минуту уходи!» (повесть Л.Чарской «Волшебная сказка») [Л.Чарская, 362 с]. «Замолчи!», «Молчать!». «Заткнись! Я кому сказал, захлопни варежку!» [В.Железников, 262 с]. «Молчать! Молчать! Вы должны выслушать, что вам скажут, а ваши слова никому не интересны, да..» [А. Бруштейн, 329 с]. «Мотай отсюда, не мешай под ногами» [Л.Киришнер, 178 с], «Пошла ты к черту» [Н.Огнев, 114 с]. Кстати, фраза: «Пошел к черту» встречается довольно часто и в советской, и в современной литературе.

В повести Радия Погодина «Ожидание» именно на глаголах отвержения происходит общение между матерью главного героя и им самим.

Та разговаривает с ним только в форме приказа, и этот приказ чаще всего носит характер отвержения. «Закрой рот!», «Выйди вон!». Причем «закрой рот» здесь носит не смысл «замолчи» (поскольку в присутствии матери Слава предпочитает молчать), а буквальный, поскольку рот мальчика по каким-то причинам всегда полуоткрыт.

В повести Л.Матвеевой «Жених из 8 «А»» появляются и новые реакции отвержения. «Отвянь», «потеряйся». Охранник элитного бассейна говорит главным героям Диме и Юле: «Брысь отсюда». Надо заметить, что слово «брысь», обычно используемое по отношению к кошкам, в обращении к детям приобретает оттенок дополнительного принижения адресата.

Также к реакциям отвержения можно отнести и реплики вроде: «Не твое дело». «Никакого полного права не имеете мешаться в мою жизнь!» [Н.Огнев, 75 с], «Не лезьте не в свое дело, товарищ Рябцев..если вам не нравится, можете уходить» [Н.Огнев, 77 с]. «Не твое дело» [Н.Огнев, 105 с] Это можно также перефразировать, как «отстаньте». Отличие реплик подобного рода от предыдущих в том, что их цель заключается в стремлении оградить свое личное пространство от постороннего вмешательства. Что интересно, в советской литературе чаще всего реплики подобного рода используют отрицательные персонажи.

Упреки

Среди средств агрессивной лексики можно выделить упреки. Отличие их от других средств выражения речевой агрессии заключается в том, какая цель в них заложена. Если в предыдущих главная цель адресанта - оскорбить, унижить адресата, то здесь главная цель - пристыдить его, указать на неправильность того или иного поведения и таким образом оказать воздействие. Потому чаще всего упреки проявляются в обращении от вышестоящих - нижестоящим. От учителей или родителей - к детям. Выражаться они могут риторическими вопросами и риторическими восклицаниями. «Что ты наделал?!», «Как тебе не стыдно!». Так священник отец Модест упрекает ученицу Дуню за разговоры на уроке Закона Божьего:

«Кто там шепчется? Нельзя на уроке говорить, Дуня Прохорова! Стыдно! Лучше бы урок хорошенько слушала!» [Л. Чарская, 164 с]. В другой повести, «Волшебная сказка», отец героини укоряет ее за то, что она приняла подарки от богатой дамы Анны Ивановны Поярцевой: «И не стыдно тебе побираться и нищенствовать у чужих? Мы, Таиловы, бедны, правда, но никто из нас никогда не пользовался подачками даровыми от непрошенных благодетельниц!». [Чарская, 314 с]. Упрекает ее и старшая сестра Клавдия, разозленная попытками Нади, уже живущей в доме богатой Анны Ивановны Поярцевой, подчеркнуть свое превосходство над ними: «Молчи, молчи лучше, бессердечная, черствая девчонка! Как у тебя язык поворачивается говорить так? Ты думаешь, что я не раскусила тебя? Не поняла твоих кривляний? Ты нас стыдишься! Стыдишься своих родных, единокровных тебе близких!.. Этого ангела, тетю Ташу, твоих сестер, твоего брата, всех нас! Ну и Бог с тобою и стыдись, сделай милость. Не нужно нам твоей привязанности, твоей любви. Если у тебя заглохло к нам родственное чувство, здесь ничего уж не поделаешь. Слава Богу, что папаша не дожил еще до этого, не видит тебя, такую глупую, такую напыщенную, такую пустую!» [Чарская, 351 с]. Ее благодетельница Анна Ивановна, обвиняя Надю в смерти ее любимого попугая Коко, бросает ей упрек в неблагодарности: «Полюбуйтесь на дело рук ваших, Нэд..Что мне в вашем запоздалом извинении, Нэд? Оно не вернет уже моего бедного Коко к жизни..Такой незаменимой потери мне не вернуть никак. Он мне был дороже всего на свете. А вы погубили его. И вообще должна признаться, что я очень ошиблась в вас, Нэд. За последнее время вы стали неузнаваемы. Вы - эгоистка и самая неблагодарная девочка в мире. Вы не сумели оценить оказанных вам благодеяний. Вас так радушно приняли у меня; я отдавала вам свою душу. А чем вы отплатили мне?...» [Чарская, 385 с]. «Что ты наделал? Ты выпустил чужую морскую свинку!» [Каришнев-Лубоцкий, 57 с]. А в повести А. Бруштейн «Дорога уходит в даль» француженка-гувернантка упрекает свою ученицу, Сашу Яновскую, в том, что она привыкла, что за нее

все делают мать и няня: «Это ужасно! Это стыдно! Человек должен все делать для себя сам. Иначе он не человек, а глупая кукла». [А. Бруштейн, 126 с]. Довольно жестко звучит упрек доктора Рогова из той же повести в отношении его воспитанницы Тамары Хованской, когда она назвала денщика Шарафудинова «хамом» и «болваном»: «Я всю жизнь в армии служу..А ты, девчонка, фитюлька, шляпка - ты смеешь русскому солдату такие слова говорить? Сию минуту извинись перед Шарафуттом!» [А. Бруштейн, 353 с].

Однако упрек далеко не всегда звучит оскорбительно для того, на кого направлен. «Нехорошо, медам! Нехорошо смеяться! Шабанова просто оговорила, это со всяким может случиться!» [А.Бруштейн, 188 с]. Или доктор Рогов отцу Шуры Яновской: «Уж ты, Яков Ефимович, пожалуй, перехватил» [А. Бруштейн, 352 с]. Очень ласков упрек Татьяны Петровны, тетки героини из повести «Волшебная сказка», когда та называет сестру «горбуньей, уродкой» и «калекой»: «Надя! Как могла ты сказать это, Надя!» [Л.Чарская, 352 с]. В рассказе В.Солоухина «Ножичек с костяной ручкой» мальчик сказал, будто бы украли его нож с костяной ручкой. Учитель обыскал всех остальных, но в итоге оказалось, что ножик даже не потерялся, и что он по-прежнему у своего владельца, просто тот не смог сразу его найти. За это учитель кричит ему: «Растяпа! Что ты наделал!» [В.Солоухин, 8 с], а одноклассники выражают свое отношение к нему только двумя словами: «Эх ты!» [Там же]. В них вложена и определенная жалость и желание упрекнуть, пристыдить его. Но не за пропажу ножа, а за то, что он поспешил заявить учителю, что нож «украли», из-за чего их подвергли унижительному обыску. А в повести Н.Огнева «Дневник Кости Рябцева» подруга Кости говорит ему: «Дрянй ты эдакая. И ты мог это сказать? Хорош!». [Н.Огнев, 140 с]. Однако не обязательно упрек должен исходить от старшего по возрасту - младшему или между ровесниками. Так в повести Н.Огнева «Дневник Кости Рябцева» главный герой посещает дом одного из своих пионеров, чтобы поговорить с его отцом. Тот пьянствует на глазах у сына, да к тому же «поит» скелет,

которого почему-то называет Катькой, и Костя говорит ему: «Что же вы: на глазах у детей-то? Нехорошо выходит» [Н.Огнев, 293 с].

Упреком можно назвать и слово «окстись» которое использует бабка по отношению к внуку, Родьке в рассказе В.Тендрякова «Медный крестик» (отрывок из повести «Чудотворная»). «Окстись! Окстись, поганец! Типун тебе на язык!» [В.Тендряков, 6 с]. «Пуговка! Я все-таки думал, что ты умнее!» [А.Бруштейн, 65 с].

«А скажите, госпожа классная воспитательница. Вот эти девочки..разбойницы эти, грабительницы..они вчера у меня свежее варенье с хлебом ели..Это, значит, тоже незаконно, скопом, да? Стыдно-с! Из-за такого вздора вы этих занятых людей от дела оторвали!» [А. Бруштейн, 254 с]. Отец главной героини Шуры Яновской части позволяет себе упрек. Иногда довольно резкий. Особенно в тех случаях, когда пытается привить Шуре уважение к беднякам и людям труда. «Дрянная девчонка, дрянная! Если бы я мог давать каждому больному ребенку по стакану молока ежедневно, они бы не болели, как теперь болеют, не умирали! А ты льешь молоко на скатерть! Пошла вон из-за стола!» [А. Бруштейн, 270 с]. «Что ты за человек? У тебя нет воли даже для того, чтобы заставить себя встать!» [А. Бруштейн, 417 с]. «Какая гадость! Эти люди всю ночь работали в типографии. Им, поди, тоже хочется спать, еще сильнее, чем тебе: ты ночью спала, а они стояли у наборной кассы. Но они не пошли домой, не легли спать - они пришли к тебе на урок. А ты заставляешь их дожидаться! Ты оскорбляешь, унижаешь их - вы, дескать, бедняки, я с вас денег не беру, значит, не обязана я обращаться с вами вежливо!» [А. Бруштейн, 418 с].

Но и сама Шура Яновская может позволить себе упрек, в частности в адрес младшего брата Сени: «Сколько у тебя сестер? Одна сестра! Ее холодной водой облили - другой заплакал бы, а ты..обрадовался!» [А.Бруштейн, 419 с].

Упрек может использоваться и в общении между супругами, как, например, в сказке Каришнев-Лубоцкого «Приключения маленькой волшебницы». «У нас

в Заполярье самолет улетает, а ты знакомиться с соседями решил. Поздно спохватился..А еще ученый человек!..Кандидат наук!..В лесных верит!» [Каришнев-Лубоцкий, 19 с].

Как упрек выглядит фраза заводчика Шабанова в отношении его друга Якова Ефимовича Яновского, в которой он обвиняет его в сочувствии к рабочим и революционерам. И открыто намекает, что тот не может по настоящему переживать за Россию, потому что по происхождению еврей. «Пусть будет революция, пусть погибнет святая Русь - все равно, да?..Вам, евреям, этого, конечно, не понять!» [А. Бруштейн, 150 с]. Присутствует упрек и в сцене, где жена Яновского приходит к портному Ионелю и видит, что отданный ему в обучение Данька качает люльку с младшим ребенком Ионеля. «Слушайте, Ионель! Как вы считаете, благотворительное общество отдало вам мальчика в няньки? Нет, общество думало, что оно отдает вам мальчика в ученики!» [А. Бруштейн, 286 с]. В данном случае она является представителем благотворительного общества и упрекает его, что он не выполняет должным образом своих обязательств - выучить Даньку ремеслу. Портного это крайне задевает.

Однако упрек может быть использован и от детей к родителям. Так Костя из повести В. Железникова «Чучело 2 или игра мотыльков» кричит своей матери, Лизе: «Вот ты дура!..Последняя идиотка! Разве я ему бы сознался, если бы знал правду? Теперь я точно сел!..Ненавижу тебя! Это ты меня своими кривыми ручками упекла!..Ты! Ты! Ты! Выходит, он не отец мне, а судья!» [Железников, 195 с]. Повторение местоимения «ты» создает усиление экспрессивности и подчеркивает, что именно ее Костя считает виноватой в том, что он может сесть в тюрьму.

Примеры упреков встречаются и в современной литературе. Так в повести В. Ледерман «Календарь мая» Глеб Елизаров издевается над полнотой своего одноклассника Юрасика, на что его одноклассница Лена Зюзина говорит ему: «Елизаров! Тебе никто не говорил, что подло

высмеивать физические недостатки, в которых человек не виноват?» [В. Ледерман, 12 с].

Как ни странно, упрек возможен даже по отношению к животным. Однако здесь он имеет значение, скорее, шутки, чем настоящего упрека. Например, в повести «Дорога уходит в даль» служитель зверинца говорит обезьянам: «Большой зверь, замуж пора, а маленькую Катюшку обижаешь! стыдно-с!» [А. Бруштейн, 101 с]. «И труслив же ты, Кузьма! Смотреть противно!» [А. Бруштейн, 102 с].

Угрозы

Отдельно стоит выделить угрозы. Они в детской и подростковой литературе также встречаются, причем довольно часто, особенно в современной, постсоветской литературе. В них не просто заложена негативная оценка характера или действий адресата, но и обещание причинить ему тот или иной вред. Угроза может звучать между юными героями, а может быть адресована от родителей к детям. «Смотри, не балуй, а то сейчас живо выдеру!», «Придешь домой, я тебя мокрой тряпкой приглажу!» [Гайдар; 199 с]. «Ну, постой ты у меня! Дай срок! Уже будет тебе крапивой!» [Л.Чарская, 106 с]. «Вот я скину штаны и распишу права..» [В.Тендряков, 8 с]. «Если до конца учебного года не исправишься - не видать тебе каникул как своих ушей!..Или хорошее поведение и в награду каникулы, или..или лишу тебя чародейной силы!» (дедушка Калин Калиныч своей внучке, лесовичке Уморушке) [Каришнев-Лубоцкий, 24 с].

Также отличается по своему характеру и вред, который адресант обещает причинить адресату - от обещаний стукнуть или отлупить до угроз убийства, выраженных прямо или косвенно. «Я вот тебя как стукну в лоб, ноги отлетят!» [В.Железников, 224 с]. «Допрыгается она у меня..Подправлю ей портрет когда-нибудь» [Л.Киршнер, 56 с]. «Я ей еще припомню» [Л.Киршнер, 120 с]. «Ну, хорошо, я ее подстерегу, все косы отмотаю» [Н.Огнев, 177 с] (обещание избить). «Ух, и пересчитал бы я городовому Кулаку все зубы до единого! Чтоб он как старая бабулька, корку хлебную

сосал, а разжевать не мог! А хозяину моему вырвал бы зубы изо рта и пересадил бы те зубы на спину!» [А. Бруштейн, 81 с].

«Пришел тебе конец! Можешь играть похоронный марш!», «Теперь ты у меня попляшешь», «Мы из тебя знаешь что сделаем? Котлетку!» (Валька Диме Сомову). «Смотри, если обманул, секир башка сделаю!», «Ты влип, придурок, в крутое дело, и твоя жизнь теперь никому не нужна!», «Встану и недоноска этого в землю зарую!» [Романов; 123 с, 126 с] (обещание убить).

В современной литературе угроза часто присутствует. Как в диалогах героев В. Ледерман в повести «Календарь мая»: «- Откуда я знаю, может, это только мой сон? А вы оба мне снитесь. Я скоро проснусь, и снова все будет в порядке.

- Слушай, Зюзина, я вот сейчас звездану сумкой по твоей глупой башке и посмотрю, как ты проснешься!» [В.Ледерман, 28 с].

В отдельных случаях угроза даже не обязательно выражена в обещании совершить конкретные действия. В повести Л.Чарской «Лишний рот» Киря решает отомстить главному герою Васе за то, что тот лучше него ответил на вопрос по истории о вавилонском царе Навуходоносоре, и угрожает ему сделать что-то, что тот хорошо запомнит. «Погоди, я еще не так тебе отплачу, будешь у меня Навуходоносора помнить!», «Погоди, дурак, радоваться! Покажу я тебе Навуходоносора! Будет тебе памятен вавилонский царь!» [Л.Чарская, 451 с]. Или в повести А. Бруштейн «Дорога уходит в даль»: «Скажите ему, чтобы он ко мне в Броварню не шатался! А не то я на нем такой пейзаж разрисую!» [А. Бруштейн, 99 с]. Или в детской среде - между сестрами Ритой и Зоей в повести А.Бруштейн «Дорога уходит в даль»: «Так я маме скажу! Ну, Зойка, подожди ты у меня! Я тебе это припомню!» [А. Бруштейн, 111 с]. Угрозой можно назвать фразу Ромашки из повести «Чучело 2 или Игра мотыльков», когда она говорит о своей учительнице по прозвищу «Мымра»: «Ну, стерва, она схлопочет! Цирк ей устрою, закачается!» [В. Железников, 10 с]. Несколько наивно звучат мысли Шуры Яновской в адрес героев книги Диккенса «Дэвид Копперфилд»: «Гадина

этакая, я бы ее посадила в собачью будку на цепь! Я бы этих проклятых Мордостонов, я бы их..». [А. Бруштейн, 278 с].

Угрозы встречаются даже в сказках и фэнтези, причем использоваться могут между положительными и отрицательными героями, а также отрицательными и их союзниками. «Я уничтожу тебя!», «пеняй на себя, ты - покойник!». «Они у меня точно получат!» [Дримов, 370 с]. «В следующий раз от тебя одно воспоминание останется прежде, чем до тебя дойдут такие новости». [Егорушкина, 176 с]. «Завтра же вечером пойдете на переплавку. Железяки» [Егорушкина, 223 с]. Герой повести В. Ледерман «Календарь мая» говорит своему однокласснику, намекая, видимо, на произошедшую между ними за день до этого драку: «Мало вчера получил? Еще хочешь?» [Ледерман, 7 с].

Как ни странно, угрозы в детской и подростковой литературе могут использовать и положительные герои. В повести «Страдания юного хакера» героиня Шура, разозлившись на одноклассника своего друга, говорит ему: «Хочешь, чтобы мы тебе голову отпилили? Канай отсюда, пока я не разозлилась!» [Романов, 146 с]. «Паршивцы. Ну, я им задам» [Егорушкина, 110 с]. Однако встречается такое не так часто. Чаще всего угрозы все-таки - принадлежность отрицательных персонажей.

Частной формой угрозы можно назвать проклятия. От угроз они отличаются тем, что здесь адресант желает адресату чего-то плохого, но осознает, что сам лично не имеет возможности это осуществить. Так служанка Юзефа, когда ее просят открыть дверь полиции, которая пришла с обыском к молодому человеку, замечает: «Я откро-о-ою! Я им открою! Чтоб им крышкой гроба накрыться - и поскорее!» [Бруштейн, 388 с]. А бабушка главной героини часто употребляет их в адрес политических деятелей, о которой читает в газетах. «А чтоб ты пропал, паршивец! Да ну..Бисмарка, чтоб его холера взяла!» [Бруштейн, 263 с].

Приказы

Отдельно стоит выделить приказы. Однако проявлениями речевой агрессии они могут быть не всегда, в зависимости от речевой ситуации. К примеру, если приказ идет от начальника подчиненному, то назвать это проявлением речевой агрессии нельзя. Как и в том случае, если диалог происходит в игре, изображающий ту или иную речевую ситуацию. Как в повести А.Бруштейн «Дорога уходит в даль», когда учитель главной героини Павел Григорьевич отдавал приказы мальчишкам, играя с ними в армию, где он был генералом, а мальчики - полковником, ротмистром и подпоручиком. «Ты полковник, понимаешь? Как стоишь! Стань как следует, когда с тобой говорит старший в чине!..Ну! Отдай честь как полагается! Что ты, военный или старая баба?» [А. Бруштейн, 131 с]. Мальчишки воспринимали это именно как игру, которая им, причем, нравилась.

Другое дело, когда участники общения равны между собой. Как в повести В. Железникова «Чучело», когда Миронова по прозвищу Железная Кнопка отдает приказы своим одноклассникам. «Хватайте ее!..И тащите в сад!»,!». «Поджигай!..Ну, Сомов, иди же, наконец, до конца!» [Железников, 292 с]. Таким образом она подчеркивала свое превосходство перед одноклассниками.

Риторические вопросы и восклицания

В качестве средств агрессивной лексики могут использоваться и риторические вопросы и восклицания. «Нечего сказать, хороша! Всех гостей повыгнала! А еще барышня-институтка бывшая, благотельница любимица!», - возмущается приживалка Лизанька по поводу поведения Нади Таировой. [Чарская, 371 с]. «Слушай, ну что ты пристала?!» [Егорушкина, 42 с], «Ты что тут под ногами крутишься!» [Егорушкина, 59 с], «Что ты такое городишь?» [Егорушкина, 62 с], «Кого ты дурить вздумала?!» [Егорушкина, 110 с]. «Что ты тут крутишься под ногами, чтоб тебя семь стрел да к гнилому пню!», «Да за каким же псом ты ее чистишь?..А паутину кто будет развешивать, Ганс Христиан Андресон?» [Егорушкина, 164 с]. «Ну как вот

так можно?» [Егорушкина, 327 с]. «Нет, ну что за дела!» [Егорушкина, 334 с] «Еще чего не хватало! Чушь!» [там же, 339 с], «Ой, ну тебя совсем!» [Егорушкина, 340 с]. «Что за чушь..стыд какой!» [там же, 435 с]. «Какой вздор!» [Бруштейн, 68 с]. Такие восклицания могут оценивать какое-то конкретное явление или действие героя: «Ох, какой почерк! Как курица лапкой нашкарябала» [Бруштейн, 73 с]. Или героя в целом: «Матерь Божия, и что это за рабенок такой, что это за паскудство такое, почему она, бодай ее, лезет куда не надо!» [Бруштейн, 112 с] (служанка Юзефа о Шурочке Яновской). «Вот какое глупство!» [Бруштейн, 168 с]. «Какие глупости!» [Бруштейн, 182 с]. «Все твои выдумки!» [Бруштейн, 185 с].

2.3 Лексические средства.

Междометия и звукоподражательные слова

Также герой может выражать негативные эмоции и с помощью междометий. Междометия - служебная часть речи, выражающая побуждения, чувства, эмоции (радость, удивление, возмущение, раздражение, злость, боль, отвращение, недоумение и др.), ощущения, душевные состояния и другие реакции, но не называющая их. Среди них могут быть и положительные, и отрицательные эмоции. Нас в рамках этой работы интересуют негативные. Передаваться они могут такими междометиями, как «тьфу», «фу» и «бр-р-р». «Фу, гадость». «Тьфу, пропасть, Мутаборчик мелкий!» [Егорушкина, 224 с]. «Бр-р-р, какой ужас!!» [Егорушкина, 437 с]. «Брр! Я терпеть не могу риса!» [Бруштейн, 264 с].

Сюда же можно отнести и звукоподражательные слова. В таком случае они используются в переносном значении. Например, «ку-ку». «Ку-ку. А у вас от суматохи крыша поехала» [Егорушкина, 361 с].

Местоимения.

В отдельных случаях средством выражения речевой агрессии могут служить местоимения, как форма обращения. Но встречается это крайне редко. Например, в повести А. Бруштейн «Дорога уходит в даль» двое

братьев - Тимка и Абрашка, во время ссор говорят друг о друге в третьем лице, употребляя местоимения «он». «Видите этого человека? Я умру, но руки ему не подам! Никогда в жизни!», «Будь я проклят, если я когда-нибудь заговорю с этим человеком!» [Бруштейн, 382 с]. Также - в третьем лице, говорит и отец Шуры с ней, когда девочка начинает плакать. «Что-о такое? Она сейчас начнет поливать улицы! А она помнит, что я ненавижу плакс?» [Бруштейн, 43 с].

Довольно ярко это проявляется и в повести В.Железникова «Чучело» в противопоставлении «мы - они» в сознании главной героини Лены Бессольцевой. В начале она говорит о себе и своем классе «мы». «И мы стали работать..Ты не думай, мы не только за деньги работали. Мы и бесплатно. Может быть, именно из-за этого у нас и началась ссора». [Железников, 198 с]. Лена хочет стать частью нового коллектива и искренне расположена к одноклассникам. Но после начала травли, когда класс стал откровенно издеваться над ней, в сознании героини возникло противопоставление «мы» (она и дедушка) или «я» - «они». «Они волки и лисы - вот кто они такие! Если бы не они, он бы давно сознался». [Железников, 250 с].

2.4 Агрессивная лексика без намерения оскорбить.

Даже откровенно агрессивная лексика не обязательно является показателем неприязненных отношений между героями. В отдельных случаях это может быть просто стилем общения в той или иной среде. Мы уже упоминали о советской повести С.Черных и А.Пантелеева «Республика ШКИД», где слова «сволочи» и «черти» могут быть использованы и без намерения оскорбить адресата. Или повесть А. Бруштейн «Дорога уходит в даль». Там агрессивная лексика встречается даже в общении между любящими друг друга людьми, как общение главной героини Саши Яновской с няней Юзефой, дядей Мироном или ее другом Леной. И даже с ее отцом. «Ох, какая Пуговица! Какая глупая Пуговица!» [Бруштейн, 180 с]. Лена, ее друг, говорит ей, что ее головой только «орехи колоть» и [Бруштейн, 355 с] и называет ее «черт косолапый» [Бруштейн, 333 с]. Часто

лексику с негативной экспрессивной окраской использует друг героини, ее соседка Валентина Свиридова, вкладывая в нее обратный, позитивный смысл. «Сашка! Урод! Чудовище растрепанное! Пугало огородное! Ох, как я хотела тебя видеть!» [Бруштейн, 370 с]. «Рожа ты моя дорогая!.. Дурачки.. Ребятишки.. Но до чего милы, негодяи окаянные!» [Бруштейн, 386 с].

Что касается Валентины Свиридовой, то намерения оскорбить адресата у нее почти никогда нет, а негативной лексикой она может выражать и любовь, и восхищение, и удивление. Например, увидев няню младшего брата Шуры, она восклицает: «Экая, прости господи, прорва обжорливая!» [Бруштейн, 372 с]. Другое дело ее реплика в адрес испанского тореадора во время боя быков, где ее возмутило жестокое обращение с лошады: «Перестань, мерзавец! Не мучай коняку!» [Бруштейн, 372 с].

В этой же повести доктор Рогов, хваля своего денщика, говорит ему: «Хороший маляр оказался, собака!» [Бруштейн, 313 с]. Или в повести Алексина «Поздний ребенок» отец, хваля сына за что-то, называет его «мерзавцем». «И как это ты придумал? Умный, мерзавец! Изобретательный..» [Алексин, 230 с].

В современной подростковой литературе такое тоже встречается. Как, например, в повести Л.Матвеевой «Жених из 8 «А»». Юля в общении с Димой использует и довольно оскорбительную лексику: «сакс, отстой, тормоз, отстойный отморозок», однако намерения оскорбить его у нее нет. Более того, всем в классе известно, что они любят друг друга. Однако выразить свою любовь словами им пока трудно. Поэтому наблюдается явный контраст между вербальным их общением между собой и невербальным, где присутствуют даже элементы заигрывания со стороны Юли.

Иронично звучит и реплика учителя Андрея Андреевича из повести «Большая перемена». Его ученики разбили лампочку, а в оправдание сказали, что «предупреждали ее» (подразумевая завхоза), а учитель в шутку ответил: «Ах, негодница! Вы лампочку предупреждали, а она осмелилась вас не

послушать. Так ей, поделом» [Киршнер, 160 с]. Проявлением речевой агрессии это тоже назвать нельзя.

Однако случается и обратное - когда то или иное слово или фраза воспринимается адресатом как оскорбительное, хотя намерения оскорбить у адресанта не было. Такое может произойти из-за различия тезауросов. Иногда герои буквально говорят на разных языках. Например, в той же повести «Дорога уходит в даль» парикмахер, восхищаясь красотой матери главной героини, говорит ей: «Урода! Ах яка урода!» [Бруштейн, 181 с]. Польски (а парикмахер поляк) «уро́да» означает «прелесть, очарование». Дочери героини это слово поначалу кажется оскорбительным, поскольку она вкладывает в него то значение, которое оно имеет в русском языке - «уродина».

Различие тезауросов может проявляться и внутри одного языка, если адресант и адресат принадлежат к разным возрастным или социальным категориям. Как, например слово «дети» в обращении учительницы Елены Никитишны (Елникитки) к ученикам в повести Н.Огнева «Дневник Кости Рябцева» [Огнев, 20 с]. Ученики сочли такое обращение недопустимым, поскольку себя они считают почти взрослыми, и это в итоге стало причиной конфликта между ними и ею.

Другой яркий пример конфликта такого рода можно найти в повести «Республика ШКИД». Учитель - человек старой закалки, называет учеников «господами». Однако для них - детей и подростков послереволюционного времени такое обращение кажется оскорбительным и непозволительным. Учитель неоднократно извиняется, объясняя, что он «старый человек», и ученики долгое время смиряются с его привычкой. Однако в конце-концов это все-таки становится причиной того, что воспитанники отказываются продолжать с ним заниматься. Хотя во всем остальном между ними не было никаких конфликтов.

Мы уже писали, что выбор агрессивной лексики зависит в том числе и от среды, которую описывает автор. Поэтому иногда происходит, что одно и то

же слово в одной среде несет нейтральный или даже позитивный смысл, а в другом - негативный. Но и даже в одной и той же среде экспрессивная окраска слова может меняться в зависимости от речевой ситуации. Например, в той же повести «Волшебная сказка» слово «королевна» и «принцесса» может быть комплиментом (так называли Надю приживалки ее благодетельницы - Анны Ивановны Поярцевой) и насмешкой. А в повести «Приютки» образ аристократки, барышни уже является однозначно отрицательной характеристикой, если относится к воспитанницам. «Принцессы какие! Королевны, скажите, пожалуйста! Привередницы! Барышни!» говорит воспитанницам эконо Павел Семенович Жилинский [Чарская, 124 с]. «Ты известная неженка. Баронессина любимка» [Чарская, 130 с]. Похожее же мы встречаем в повести «Лишний рот». «Не принцесса какая..цаца тоже какая выискалась!» [Чарская, 434 с]. Или слова «буза» и «хулиган». В повести Н.Огнева «Дневник Кости Рябцева» слово «хулиган» является оскорбительным. Главного героя оскорбляет, если его так называют. А слово «буза» он использует, желая показать свое неодобрительное отношение к чему-нибудь. Согласно словарю С.И.Ожегова: «Буза (прост.неодобрит) - шум, скандал, беспорядок [Ожегов, 61 с]. Однако в повести Л.Пантелеева и Г.Белых «Республика ШКИД» героями являются бывшие беспризорники и воришки, для которых «буза» - это бунт против воспитателей, почти высшее проявление свободы, а «хулиган» (или «улиган», как произносит это слово их учительница-немка Эланлюм») и «бузовик» (образованное от слова «буза») является комплиментом. Воспитанники ШКИДы даже организовывают внутри школы «государство» Улигания.

Отец Шуры Яновской из повести «Дорога уходит в даль», злясь на дочь или кого-то другого, употребляет слова «братец ты мой» или «милостивые мои государи». Последнее он иногда сокращает до «милстисдари». «А они - эти милстисдари мои! - пишут ему в метрике «незаконнорожденный» и не пускают его ни в жизнь, ни к счастью» [Бруштейн, 515 с].

Иногда агрессивная лексика используется юными героями и в игре. «Ты еще здесь, негодяй? Сию минуту убирайся или я разможу тебе голову!» [Бруштейн, 364 с]. В таком случае оскорбительной ее назвать нельзя, поскольку у адресанта нет цели оскорбить адресата или выразить к нему те или иные негативные чувства. То же мы видим в повести А. Бруштейн во время игрового диалога Павла Григорьевича с мальчишками, который мы рассматривали выше.

Вывод: Конфликты в детской и подростковой литературе присутствуют, но средства его языкового выражения менялось с течением времени. Однако назвать его проявлением «речевой агрессии» все-таки трудно. В художественной литературе присутствует лексика с негативной экспрессивной окраской, которая в контексте произведения воспринимается как агрессия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе проведенного нами теоретического исследования и анализа средств выражения речевой агрессии в отечественных детских произведениях мы пришли к следующим выводам:

1. Адресатом речевой агрессии далеко не всегда является другой персонаж, его ровесник или взрослый. Иногда своеобразным «адресатом» может стать и вся окружающая героя реальность, которую он так или иначе не принимает. Чаще всего агрессивная лексика по отношению ко всей окружающей реальности является отображением внутреннего мира персонажа, но не всегда.

Лексику с негативной экспрессивной окраской герой может использовать и по отношению к самому себе. Чаще всего это относится к положительным героям (Железников «Чучело», С. Прокофьева «Приключения желтого чемоданчика»). Именно положительным героям чаще всего свойственна самокритичность.

Объектом лексики с негативной экспрессивной окраской могут быть не только люди, но и неодушевленные предметы или даже государственные учреждения или явления, животные и даже собственная одежда (А.Бруштейн «Дорога уходит в даль», В. Железников «Чучело»). В случае, если речь идет об одежде другого персонажа, то почти всегда это - отношение адресанта к ее владельцу (Л.Толстой «Детство»).

В отдельных случаях объектом лексики со значением негативной оценки могут быть и слова, которые использует собеседник (А.Бруштейн «Дорога уходит в даль»).

2. Средства выражения речевой агрессии менялись с течением времени. Речевую агрессию в дореволюционной детской литературе можно разделить на три группы: 1. Связанные с происхождением героя, его национальной, сословной или социальной принадлежностью (хохлушка, финка, деревенщина). 2. Связанные с внешностью (Л. Чарская «Записки маленькой

гимназистки», Л. Чарская «Волшебная сказка»). 3. Связанные с поведением и нравственными качествами героя.

Слова из последней группы встречаются особенно часто. Причем акцент делался на словах, обозначающих бессердечие героя («Волшебная сказка»). В советской литературе слова с таким значением в качестве средств негативной оценки почти не встречаются, напротив - осуждается излишняя чувствительность. Также в советской литературе появляется новая группа слов с негативной экспрессивной окраской - политическая. Составляют ее новые слова вроде «контра» (контрреволюционер), буржуй, и старые, получившие отрицательную окраску. «Аристократки, верующие, белая кость, голубая кровь» [Рощин, 130 с] «Капиталист» [Черных, Пантелеев, 368 с] «проклятые буржуины» [Гайдар, 134 с]. Это можно объяснить стремлением разделить всех на «своих» и «чужих». Но не только по принципу советский-несоветский. В школьной повести (и не только советской) присутствует и другое противостояние: «Ученики-учителя» или «дети-взрослые».

В современной литературе чаще всего встречаются оскорбления, обозначающие недостаток у адресата умственных способностей. «Отстой», «лох», «сакс», «отморозок». Гораздо реже в современной литературе можно встретить оскорбления, связанные с национальностью. А оскорбления, связанные со здоровьем в рассмотренных нами произведениях встречаются только один раз. Исключение - намеки на проблемы с умственным здоровьем, которые встречаются довольно часто. Однако они дают оценку поведению и поступкам героя, которые, по мнению адресанта, похожи на поступки и поведение человека неадекватного.

2. Средством выражения речевой агрессии могут быть метафоры и сравнения. Чаще всего зоосемантические. Но могут встречаться сравнения с мифологическими существами или с литературными и мультипликационными персонажами.

3. Средством выражения речевой агрессии могут быть не только слова с заведомо негативной окраской, но и нейтральные слова и даже имена

собственные. В таком случае они используются в переносном значении и имеют иронический оттенок. Проявлением иронии можно назвать и такое явление, как языковая игра, переделку имен и фамилий персонажа (чаще всего воспринимаемая адресатом очень болезненно). Она может проявляться как отражение отношения к носителю фамилии или же просто реакцией остальных персонажей на странную, необычную фамилию.

4. В качестве средств выражения речевой агрессии могут быть использованы и фразеологизмы - пословицы и поговорки. Они могут давать оценку герою, его словам и поведению. «Залетела ворона в высокие хоромы!» [Л.Чарская «Волшебная сказка»], «ни рыба ни мясо» [Егорушкина, 325 с], «Чья бы корова мычала, а твоя молчала» [Киршнер, 121 с], «Типун тебе на язык!» [В.Тендряков, 6 с] Или выражать насмешку. «Держите карман шире!». «Раньше-позже, мыло-дрожжи, дрожжи-мыло, а не хочешь ли в рыло?» [Н.Огнев, 284 с]. «Скатертью дорожка!» [Бруштейн, 333 с].

5. Средством выражения речевой агрессии могут быть разного рода дразнилки и прозвища. «Стрижка-ерыжка» [Чарская, 34 с] «Рот до ушей хоть завязочки пришей», «Тили-тили тесто, жених и невеста!». «Лизка-сосиска» [А.Егорушкина, 36 с]. «Рыжая-конопатая» [Егорушкина, 65 с].

К этому же можно отнести и поддевки - своеобразные словесные игры, построенные в форме диалога. «Почему?» «По кочану» или «потому что кончается на «у»». «Ну?..Баранки гну» (А.Егорушкина «Настоящая принцесса и Бродячий Мостик»), «- Ай! - Ай поехал в Китай, остался его брат, Пай, а брат Пай просил: «Нас не обижай!» (Л. Чарская «Приютки»).

Многие как советские, так и современные авторы поднимают тему прозвищ, как потерю собственного имени и собственной индивидуальности (А. Бруштейн «Дорога уходит в даль», Д. Дримов «Путешествие в страну снов», Е.Пастернак, А. Жвалевский «Время всегда хорошее»).

6. Кроме агрессивных определений средством выражения речевой агрессии могут быть и глаголы отвержения: «Пошел вон! Замолчи! уйди с дороги! Прочь! Захлопни варежку!». Американский психолог А. Басс назвал их

«реакции отвержения». Они по большей части остаются неизменными в детской и подростковой литературе как дореволюционного, так и советского или современного периода.

Также к реакциям отвержения можно отнести и реплики вроде: «Не твое дело». «Никакого полного права не имеете мешаться в мою жизнь!» [Огнев, 75 с]. Это можно также перефразировать, как «отстаньте». Отличие реплик подобного рода в том, что их цель заключается в стремлении оградить свое личное пространство от постороннего вмешательства. В советской литературе чаще всего реплики подобного рода используют отрицательные персонажи.

7. Среди средств агрессивной лексики можно выделить упреки. Отличие их от других средств выражения речевой агрессии заключается в том, какая цель в них заложена. Здесь главная цель - пристыдить его, указать на неправильность того или иного поведения и таким образом оказать воздействие. Потому чаще всего упреки проявляются в обращении от вышестоящих - нижестоящим. От учителей или родителей - к детям. Выражаться они могут риторическими вопросами и риторическими восклицаниями. «Как тебе не стыдно!».

8. Отдельно стоит выделить угрозы. Они в детской и подростковой литературе также встречаются, причем довольно часто, особенно в современной, постсоветской литературе. В них не просто заложена негативная оценка характера или действий адресата, но и обещание причинить ему тот или иной вред. Угроза может звучать между юными героями, а может быть адресована от родителей к детям. Также отличается по своему характеру и вред, который адресант обещает причинить адресату - от обещаний стукнуть или отлупить до угроз убийства, выраженных прямо или косвенно.

9. В качестве средств агрессивной лексики могут использоваться и риторические вопросы и восклицания

10. Также герой может выражать негативные эмоции и с помощью междометий. Таких как «тьфу», «фу» и «бр-р-р». «Фу, гадость». «Бр-р-р, какой ужас!!» [Егорушкина, 437 с]. «Брр! Я терпеть не могу риса!» [Бруштейн, 264 с].

11. В отдельных случаях средством выражения речевой агрессии могут служить местоимения, как форма обращения. Переход с местоимения второго лица «ты», на местоимения третьего лица «он» или «она». Или с «мы» на «они».

12. Даже откровенно агрессивная лексика не обязательно является показателем неприязненных отношений между героями. В отдельных случаях это может быть просто стилем общения в той или иной среде (А.Белых «Республика ШКИД», Л.Матвеева «Жених из 8 «А»», А.Бруштейн «Дорога уходит в даль»).

13. Иногда случается и обратное, когда то или иное слово или фраза воспринимается адресатом как оскорбительное, хотя намерения оскорбить у адресанта не было. Такое может произойти из-за различия тезауросов. Иногда герои буквально говорят на разных языках (А.Бруштейн «Дорога уходит в даль»). Но различие тезауросов может проявляться и внутри одного языка, если адресант и адресат принадлежат к разным возрастным или социальным категориям («Республика ШКИД», Н.Огнев «Дневник Кости Рябцева»).

14. Выбор агрессивной лексики зависит в том числе и от среды, которую описывает автор. Поэтому иногда происходит, что одно и то же слово в одной среде несет нейтральный или даже позитивный смысл, а в другом - негативный. Причем одно и то же понятие может иметь как позитивную, так и негативную окраску.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер, А. Понять природу человека [Текст] / А. Адлер. - СПб. : Академический проект, 2000. - 241с.
2. Алексин, А. А тем временем где-то [Текст] / А.А. Алексин. - М. : Центрполиграф, 2001. - 440 с.
3. Алексин, А. Собрание сочинений в трех томах [Текст] / А. Алексин. - М.: Детская литература, 1979 - 1981. - Т. 3. Повести, пьеса, из блокнота, 1981. - 464 с.
4. Баранов, А. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие [Текст] / А, Баранов. - М. : Флинта : Наука, 2007. - 592 с.
5. Белинский В. Г. О детской литературе [Текст] / В. Белинский, Н. Чернышевский, Н. Добролюбов. - М. : 1983.
6. Белых, Г, Пантелеев, Л. Республика Шкид. Шкидские рассказы [Текст] / Г. Белых, Л. Пантелеев. - М. : «Рипол Классик», ТПО «Интерфейс», 1998. - 448 с.
7. Бруштейн, А. Дорога уходит в даль [Текст] / А. Бруштейн. - М. : Детская литература, 1980 г. - 672 с.
8. Веркин, Э. Друг-апрель [Текст] / Э. Веркин. - М. : Эксмо, 2010. - 350 с.
9. Выготский, Л. Воображение и творчество в детском возрасте [Текст] / Л. Выготский. - М. : Флинта, 1987 г. - 350 с.
10. Выготский, Л., Лурия, А Этюды по психологии поведения [Текст] / Л. Выготский, А. Лурия. - М. : Флинта, 1993. - 450 с.
11. Выготский, Л. Проблема речи и мышления ребенка в учении Ж. Пиаже [Текст] / Л. Выготский. - М. : Флинта, 1993. - 634 с.
12. Гайдар, А. Повести и рассказы [Текст] / А. Гайдар. - М. Русский язык, 1984 г. - 287 с.
13. Гогин, А., Репетева, О. Вербальные правонарушения: понятие, сущность, виды [Текст] / А. Гогин, О. Репетева. - Т.: ТГУ, 2015 г. - 103 с.

14. Горький, М. О детской литературе. Статьи и высказывания, письма [Текст] / М. Горький. - М.: Флинта, 1968. - 168 с.
15. Дримов, Д. Путешествие в страну Снов [Текст] / Д. Дримов. - СПб. : Азбука-классика, 2003. - 432 с.
16. Егорушкина, А. Настоящая принцесса и Бродячий Мостик [Текст] / А. Егорушкина. - СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. - 480 с.
17. Жвалевский, А., Пастернак Е. Время всегда хорошее [Текст] - М. : Время, 2013. - 256 с.
18. Жвалевский, А., Пастернак Е. Гимназия № 13: Роман-сказка [Текст] / А. Жвалевский, Е. Пастернак. - М. : Время, 2010. - 368 с.
19. Железников, В. Чучело: Повести [Текст] / В. Железников. - М.: Издательский дом «ОНИКС 21 век», 2002. - 236 с.
20. Железников, В. Чучело 2 или Игра мотыльков [Текст] / В. Железников. - М.: Астрель, АСТ, 2005. - 317 с.
21. Жмуров, Д. Насилие (агрессия) и литература. Библиотека Гумер. [Электронный ресурс]. – режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/gmurov/01.php
22. Жуков, А., Жукова, М. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / А. Жуков, М. Жукова. - М. : АСТ. Астрель, 2009 г. - 443 с.
23. Иванова, В. Тайны королевы роллеров [Текст] / В.Иванова. - М. : Астрель, 2003 г. - 204 с
24. Каришнев-Лубоцкий, М. Приключения маленькой волшебницы. Сказочная повесть [Текст] / М. Каришнев-Лубоцкий. - М.: АСТ, 1999. - 448 с.
25. Кишнер, Л. Большая перемена [Текст] / Л. Кишнер. - Л.: Детская литература, 1968 г. - 246 с.
26. Кон, И. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива [Текст] / И. Кон. - М. : Флинта, 1988. - 216 с.
27. Коротков Ю. Танцующие призраки [Текст] / Ю. Коротков. - М. Астрель: ООО АСТ, 2013 г. - 168 с.

28. Ледерман, В. Календарь мая [Текст] / В. Ледерман. - М. : КомпасГид, 2016 г. - 263 с.
29. Лойтер, С. Детские «страшные» истории как мифологические рассказы [Текст] / С. Лойтер. - Сб.: Научн. тр. Вып. 2. М., 1996.
30. Лойтер, С. Заметки о детской мифологии [Текст] / С. Лойтер. - П. : Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской, 1999 - 426 с.
31. Лойтер, С. Феномен детской субкультуры [Текст] / С. Лойтер. - П. : КомпасГид, 1999. - 525 с.
32. Лойтер С. М. Школьный фольклор в контексте «культуры детства» [Текст] / С. Лойтер. - П. : 1995.
33. Лурия, А. Речевые реакции ребенка. [Текст] / А. Лурия. – М. : Академия коммунистического воспитания им. Н. К. Крупской, 1927. - 283 с.
34. Маршак, С. Воспитание словом. Статьи. Заметки. Воспоминания, [Текст] / С. Маршак. - М. : Детская литература, 1964. - 215 с.
35. Матвеева, Л. Жених из 8 «А» [Текст] / Л. Матвеева. - М. : Астрель, 2003. - 316 с.
36. Меркин, В. О «заумном языке» детских считалок [Текст] / В. Меркин - Пермь : Детская литература, 1978. -
37. Мотяшов, И. Заметки о современной прозе для детей [Текст] / И. Мотяшов. - М. : Детская литература. - 1972. - № 9. - С. 40.
38. Огнев, Н. Дневник Кости Рябцева [Текст] / Н. Огнев. - М.: Советская Россия, 1989 г. - 301 с.
39. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Текст] Под общей редакцией профессора Л.И. Скворцова. - 24-е издание, исправленное. - М. : Мир и образование, 2012. - 895 с.
40. Погодин, Р. О веселых людях и хорошей погоде: избранные произведения [Текст] / Р.П. Погодин. - М. : Детская литература, 1982 г, 490 с.

41. Прокофьева, С. Приключения желтого чемоданчика [Текст] / С. Прокофьева. - М. : ООО Астрель, 2001. - 576 с.
42. Романов, В. Страдания юного хакера [Текст] / В. Романов. - М.: Астрель, 2002. - 191 с
43. Романтические истории для девочек: Сб [Текст] . - М. : Эксмо, 2002. - 512 с.
44. Рощин, М. Роковая ошибка [Текст] / М. Рощин. - М. : Олимп, АСТ, 2002. - 172 с
45. Самарский, М. Время дарить любовь. Любовь, или невыдуманная история. На качелях между холмами. [Текст] / М. Самарский. - М. : Эксмо, 2016.- 416 с.
46. Сотник, Ю. Ясновидящая, или Эта ужасная «улица» [Текст] / Ю. Сотник. - М. : ООО «Издательство Астрель», 2003. - 286 с.
47. Ушаков, Д. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Д. Ушаков. - М. : Гос. ин-т Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. - 895 с.
48. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст]. / Э. Фромм. - М. : АСТ, 2004 г. - 635 с.
49. Хорни, К. Наши внутренние конфликты; невроз и развитие личности [Текст] / К. Хорни. - М. : Смысл, 1997. - 198 с.
50. Чарская, Л. Горянка [Текст] / Л. Чарская. - М. : Русская миссия, 2006 г. - 284 с.
51. Чарская, Л. Записки институтки; Волшебная сказка: Повести [Текст] / Состав, послесловие Е.О. Путиловой. - Калининград. : Янтарный сказ, 2001. - 400 с.
52. Чарская, Л. Записки сиротки [Текст] / Л.А.Чарская. - М.: Эксмо, 2003. - 559 с.
53. Чарская, Л. Княжна Джаваха [Текст] / Л. Чарская. - М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. - 256 с.

54. Чарская, Л. Сестра милосердная [Текст] / Л. Чарская. - М. : Русская миссия, 2006. - 218 с.
55. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. Конфликтология [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5708259/>
56. Ашуркова, Т.Г. Формы проявления речевой агрессии в газетном тексте [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://diplomadviser.info/2010/07/27/artikle-24/>
57. Бондарева, Г. С., Буллах, К. В. Конфликты между детьми в детском коллективе и способы их разрешения [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/1248/13078>
58. Бютнер, К. Жить с агрессивными детьми [Электронный ресурс]. - режим доступа: <https://refdb.ru/look/1274313.html>
59. Вербальная агрессия в школьной речевой среде [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=650649>
60. Википедия [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://ru-wiki.ru/wiki>
61. Гальперин, П. Я. Развитие исследований по формированию умственных действий [Электронный ресурс]. - режим доступа: http://pedlib.ru/Books/3/0297/3_0297-162.shtml
62. Жельвис, В. И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/985131/>
63. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://mexalib.com/view/22112>
64. Коряковцева, О. А. Влияние общей адаптивности на конфликтоустойчивость личности [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obschey-adaptivnosti-na-konfliktoustoychivost-lichnosti#ixzz4i5Mm0eYP>
65. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи [Электронный ресурс]. - режим доступа:

http://fictionbook.ru/author/v_g_kostomarov/yazyikovoyi_vkus_yepohi/read_online.html

66. Лобан, Н. А. История становления конфликтологии как науки. [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://psyera.ru/istoriya-stanovleniya-konfliktologii-kak-nauki-554.htm>
67. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры [Электронный ресурс]. - режим доступа: http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm#_Toc509600922
68. Михальская, А. Основы риторики. Определение современной риторики [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://allrefs.net/c15/43pwt/p14/>
73. Общий толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://tolkslovar.ru/d2256.html>
70. Осипова АА. Конфликтемы в речевом взаимодействии [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/konfliktemy-v-rechevom-vzaimodeystvii>
71. Оскорбление и клевета. Взгляд эксперта [Электронный ресурс]. - режим доступа: http://www.adilsoz.kz/wp-content/uploads/2011/01/Kleveta_i_oskorblenie_Rus.pdf
72. Полканова, А. А. Понятие «Конфликт» в лингвистике: основные подходы к его изучению [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=524843>.
73. Рикер П. Торжество языка над насилием Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии, 1996. №4. [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/5535995/page:58/>
74. Сборник словарей Ефремовой, Ожеговой и Шведовой [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://что-означает.рф/>
75. Семенюк, Л. Психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. Учебное пособие [Электронный ресурс]. - режим доступа: <https://refdb.ru/look/1322531.html>

76. Словари онлайн. Энциклопедия мифологии. [Электронный ресурс]. - режим доступа: http://slovarionline.ru/entsiklopediya_mifologii/page/anchutka.460
84. Словарь молодежного слэнга [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://teenslang.su/content>
78. Стилистической энциклопедический журнал русского языка [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://stylistics.academic.ru>
79. Сидорова, Е. Речевой акт оскорбления как проявление вербальной агрессии [Электронный ресурс]. - режим доступа: http://elibrary.kz/download/zhurnal_st/st4837.pdf
80. Старова, О. Средства массовой информации как источник агрессии [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/starova.htm>
81. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/tretyakova-00.htm>
82. Buss A. The psychology of aggression. - N-Y., 1961
83. Learning English through children's literature, Gail Ellis, Head of Young Learners Centre, The British Council, Paris (6 576 символов с пробелами) [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://www.teachingenglish.org.uk/article/learning-english-through-childrens-literature>
84. Family influence on the mental development of a child (7 261 символ с пробелами) [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://infourok.ru/material.html?mid=59220>
85. The Gap Between Fanfiction, Literature, and Modern Day Writing (6 017 символов с пробелами) [Электронный ресурс]. - режим доступа: <https://geekgirlsenshi.wordpress.com/2015/07/08/the-gap-between-fanfiction-literature-and-modern-day-writing/>
86. Fantasy and fairytale in children's literature, М О Grenby, 2009 (10 720 символов с пробелами) [Электронный ресурс]. - режим доступа:

<http://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/fantasy-and-fairytale-in-childrens-literature>

87. Freedom of speech West's Encyclopedia of American Law | 2005 (14 081 символов с пробелами) [Электронный ресурс]. - режим доступа: http://www.encyclopedia.com/topic/freedom_of_speech.aspx
88. Gender Issues in Children's Literature, Singh, Manjari, 1998 (8 429 символов с пробелами), <http://www.ericdigests.org/1999-3/gender.htm>
89. Providing Web-based Support for Families of Infants and Young Children With Established Disabilities, Zaidman-Zait, Anat MA; Jamieson, Janet R. PhD January/March 2007 - Volume 20 - Issue 1 - p 11-25 (14 599 символов с пробелами) [Электронный ресурс]. - режим доступа: http://journals.lww.com/iycjournal/Fulltext/2007/01000/Providing_Web_based_Support_for_Families_of.3.aspx
90. Research categories childrens literature SUSINA, JAN, 2004 (20915 символов с пробелами) [Электронный ресурс]. - режим доступа: http://www.encyclopedia.com/topic/childrens_literature.aspx
91. Theories of aggression, Cynthia Hudley, Dec 23, 2009 (14 146 символов с пробелами) [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://www.education.com/reference/article/aggression/>
92. Using a clinically aggressive sample to examine the association between impulsivity, executive functioning, and verbal learning and memory, 2007 (15022 символов с пробелами) [Электронный ресурс]. - режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0887617707002193>